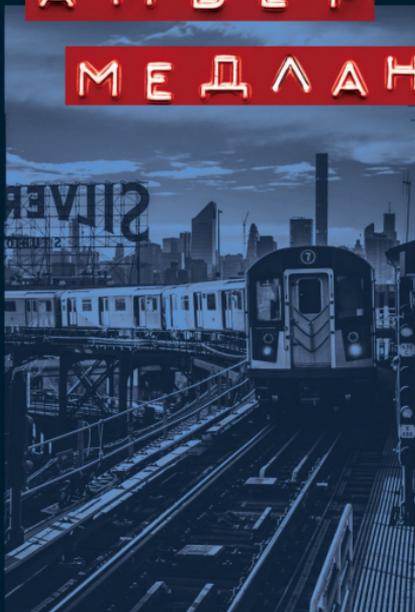

INSPIRIA

18+

А М Б Е Р

М Е Д Л А Н Д

ДИКИЕ

ПИТОМЦЫ

В переводе
Виктории Кульницкой

Амбер Медланд
Дикие питомцы
Серия «Переведено.
Проза для миллениалов»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69007255

Дикие питомцы: Эксмо; М.; 2023
ISBN 978-5-04-185071-5

Аннотация

«Пока не просишь о помощи вслух, всегда остается шанс, что в принципе тебя могли бы спасти».

Добро пожаловать во взрослую жизнь.

Вчерашняя студентка Айрис уезжает из Лондона в Нью-Йорк, чтобы продолжить учиться писательскому мастерству. И пока ее лучшая подруга усердно старается получить престижную стипендию и заводит сомнительный роман со взрослым мужчиной, а ее парень все глубже погружается в водоворот турбулентной жизни восходящей музыкальной звезды, Айрис не может отделаться от чувства, что в то время как их мир полнится и расширяется, ее собственный – сжимается, с каждым днем придавливая ее все сильнее.

Они созваниваются по видеосвязи, пересылают друг другу плейлисты, цитируют «Искусство войны», обсуждают

политику, язвят, экспериментируют, ходят по краю, борются с психическими расстройствами и изо всех сил пытаются понять, кто они в этом мире и друг для друга и как жить, когда тебе чуть-чуть за двадцать.

Откровенный, колкий, но вместе с тем такой близкий и понятный роман.

Содержание

I. До «Прозака» был ты. Август – Декабрь, 2016	6
1	6
2	11
3	15
4	38
5	46
6	54
7	62
8	91
9	100
10	105
11	115
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Амбер Медланд

Дикие питомцы

Если проследить, как менялось мировоззрение Блейка в процессе его становления как поэта, станет невозможно относиться к нему, как к наивному дикарю, дикому питомцу образованных и культурных людей.

Т. С. Элиот

Amber Medland

WILD PETS

Copyright © 2021 by Amber Medland

© Кульницкая В., перевод на русский язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

I. До «Прозака» был ты.

Август – Декабрь, 2016

1

Каждый встречный считает, что сможет объяснить мне, как устроена сеточная система улиц. Достаточно лишь несколько раз повторить – гляди, это же сетка. А потом нарисовать в воздухе прямоугольник или начертить план квартала на тротуаре носком ботинка.

Когда мы въезжаем в город, Рэй, пропустивший важную встречу, чтобы забрать меня из аэропорта Джона Кеннеди, демонстрирует мне Манхэттен так, словно организовал персональную экскурсию. Я киваю, хотя лежащая перед нами темная масса нисколько не напоминает город, который я не раз видела в кино. В самолете я трижды посмотрела «Привидение» от начала до конца, стараясь не обращать внимания ни сидящую рядом женщину в розовой футболке с «Заботливыми Мишками». Она сказала, что ее зовут Сейди и что она ждет не дождется, когда стюардесса покатит по салону тележку с товарами из дьюти-фри. А когда я встала, чтобы отойти в туалет, добавила, что летит в Нью-Йорк навестить свою беременную дочь. Я снова надела наушники.

Фильм, который я смотрела, и то, что я постоянно перема- тывала его к началу, кажется, бесили ее не меньше, чем Эзру – мои всхлипывания под *Unchained Melody*. Накануне вече- ром я пыталась посмотреть «Привидение» вместе с ним, но на середине он выключил телевизор.

Самолет летел на высоте тридцать две тысячи футов над землей, а я снова и снова прокручивала на экране сцену с гончарным кругом, ту, где Патрик Суэйзи все еще жив. По- том попросила стюардессу принести мне еще джина с тони- ком. У них закончился лед, но меня это не смутило. В са- лоне было темно, лишь тускло мерцали экраны и светились маленькие лампочки для чтения. Я посмотрела в иллюмина- тор и представила себе, что он где-то там, внизу, в миллио- не миль от меня. Работает. Или курит... Потом покосилась на Сейди. Фольга на ее контейнере с едой была порвана. А сам контейнер она, кажется, вылизала начисто. Я подумала, что, если самолет сейчас разобьется, это будет последним, что я увижу в своей жизни. Эзра узнает обо всем только че- рез несколько часов. Или дней. Здесь лежит Айрис, которая умерла, сидя рядом с Сейди.

* * *

Рэй материт водителя едущей перед нами машины. Потом говорит – нужно будет купить тебе нормальную куртку. И нормальную обувь.

Ненавижу, когда он строит из себя заботливого папочку. Он обычно звонит, когда обменный курс меняется в мою пользу. А еще присылает ссылки на доступные в аэропорту Хитроу розетки для штекеров американского образца.

Радиоведущая так охает из динамиков, словно не Билли Джоэла послушала, а пережила страстную прелюдию к сексу. «Разве это не лучшая песня в мире?»

Интересно, она про все песни так говорит?

И не какую-то там парку в стиле Джей Ло, продолжает Рэй. Зимы у нас тут холодные, а лето жаркое.

С тех пор как мне исполнилось восемь, мы с ним видимся дважды в год. И временами на Рэя находит жажда поделиться со мной жемчужинами своей мудрости.

Он начинает расписывать мне зимы в Чикаго, который называет своей штаб-квартирой. У них там дом в Ривер-Норт, но вообще-то он постоянно в разъездах. Занимается частными инвестициями, вот и приходится ездить туда-сюда. Квартиру на Манхэттене они обычно сдают. Но, раз уж мне разрешили в ней *погостить*, я должна буду поливать цветы. А еще – постараться поладить с его девушкой Линдси. Это она там все обустроила. Когда выяснилось, что меня приняли в Колумбийский университет, она прислала мне сообщение: **Как ты относишься к тканевому декору?**

Когда мы входим в здание, швейцар подрывается нам навстречу. Подметки его ботинок со свистом скользят по мраморному полу. Невидимый радиоприемник транслирует

футбольный матч с комментариями на русском языке. Рэй машет швейцару и несет мою ручную кладь наверх, представив ему разобраться с чемоданами.

* * *

Я смотрю в темноту, вспоминая вчерашний вечер. Прокручиваю в голове сцену за сценой. Эзра ночует у меня. Я забираю его со станции «Баттерси-парк». По дороге домой от него так и фонит спокойной решимостью, и я нервничаю. Он только раз, как следует, целует меня, а после почти со мной не разговаривает. Тогда я пытаюсь поцеловать его сама. Но он просит меня подождать.

Я тараторю какую-то чепуху, он отвечает односложно. И улыбается, как будто вспомнил одному ему понятную шутку.

Когда я открываю дверь, он достает маску для сна в самолете, и мне немедленно хочется удрать. Но я делаю вид, будто ничего не заметила.

В квартире я включаю телевизор и прыгаю с канала на канал, пока не нахожу «Воспитание Крошки». Потом сижу на кровати, обняв колени, пока он разбирает вещи.

Кэтрин Хепберн пытается поймать воображаемого тигра и набрасывает сеть на голову Кэри Гранту. Кэтрин Хепберн опрокидывает вазу, и Кэри Грант бросается ее ловить.

Опять у тебя этот взгляд охотника и жертвы одновременно, говорю я, не сводя глаз с экрана. Сердце колотится, как

сумасшедшее.

Телевизор, командует Эзра. Я щелкаю пультом и снова сажусь на пятки.

Он включает «Кронос-квартет» и снова командует – одежда.

Восхищенно меня разглядывает. И добавляет – а теперь попроси.

2

До Нью-Йорка я никогда не жила одна. Если в здании и обитают еще какие-нибудь люди, мне их не слышно. Не хочу звонить Рэю, мне нечего ему сказать, кроме – как выключить кондиционер?

Щелкаю пультом, и на экране телевизора появляется лицо Хиллари Клинтон. «Система по-прежнему настроена против американцев, границы открыты для шестидесяти пяти тысяч сирийских беженцев». Изображение становится четче и ярче – виден роскошный круизный лайнер. Над горизонтом кружит вертолет охраны. «Америке Дональда Трампа ничего не угрожает».

Переключаю каналы. Женщина в обтягивающей футболе нажимает на кнопку, и пару спортивных носков уносит цветочный вихрь. **Потому что у вас есть более интересные дела, чем убирать за ним.**

Окно не открывается до конца, но, если прижаться к щели лицом, увидишь кусок Бродвея. Надо сходить побегать. Край рамы впивается в лоб, и на коже остается глубокая борозда.

Я не увижу Эзру сто двадцать дней. Записываю на телефон птичий щебет. Голосят они тут, как автомобильные сирены. Самую странную трель пересылаю ему. Он звонит, и я снова забираюсь в постель, ухом прижимая мобильный к

подушке.

Что это? – спрашивает он, проигрывая мне мое же аудио-сообщение.

Ангельская песнь, отвечаю я.

Мы же договорились этого не делать.

Голос звучит так, словно он говорит из стального барабана. Взвинчен до предела, сразу понимаю я. Группу не выпустят на сцену раньше трех ночи. Эзра уже успел мне об этом сообщить.

Я представляю, что он сейчас за кулисами, сидит на корточках, спрятавшись за колонкой, и говорит со мной.

Я скучаю, жалуясь я.

А мне что-то паршиво, отвечает он. Сам не знаю, почему. Может, потому что ты тоже по мне скучаешь?

Он дышит в трубку. На заднем плане настраивают микрофоны. *Раз – раз.*

* * *

Через несколько дней заезжают Рэй и Линдси – посмотреть, как я обустроилась. Они заказали столик «У Ника и Тони». В лифте Рэю звонят по работе. Я кошусь на наше отражение в зеркале: я, ростом шесть футов, Линдси, пять футов, и Рэй, где-то посередине, стоит в позе хозяина жизни. Когда я показала Эзре фото Линдси, он сказал, что она похожа на леди Пенелопу из «Тандербердов».

Возле дома цветут магнолии. Швейцар, хмурясь, собирает с тротуара лепестки, будто они осыпались по его недосмотру. Потом замечает меня и улыбается.

Кстати, на случай, если будешь заказывать еду на дом, здесь мы обычно берем пиццу, говорит Линдси, указывая на неоновую вывеску.

Это ее любимая игра. А тут мы всегда пьем кофе.

Сок продается там, но, если тебе нужен качественный, лучше ехать в Вилидж.

Примерно раз в десять дней Линдси заезжает проверить, не разнесла ли я квартиру. Разговаривая со мной, она грызет соленые крекеры или кусочки сельдерея, обмакивая их в салатную заправку из обезжиренного греческого йогурта. Тунца она поливает острым соусом. Поначалу я все пытаюсь разглядеть в ней глубоко скрытую гениальность или коварство. Она никогда не понимает, в шутку я что-то говорю или всерьез, и постоянно переспрашивает – да? Ты правда так думаешь? А ведет себя так, будто ей одной тут неловко. Продержавшись несколько недель, я прошу ее звонить перед приездом, чтобы я могла оставить ключи от квартиры Николаю.

* * *

Предпоследним мы с Эзрой вместе смотрели «Пули над Бродвеем». Валялись на кровати валетом и ели псилоциби-

новые грибы из отсыревшей картонной коробки, которые он заказал в интернете. Люблю держаться за его ступни, когда меня плющит. Потолок над головой мерцал. Свет закручивался в спирали, словно передо мной разматывалась ДНК воздуха.

Что важнее, спросил герой с экрана, быть хорошим человеком или хорошим писателем?

Эзра фыркнул мне в пятки.

Глупый вопрос, сказал он.

Ага, отозвалась я. Погоди, так что?

Конечно, хорошим человеком, ответил он. А я в ту же секунду выпалила – ясное дело, хорошим писателем.

Я в Нью-Йорке всего две недели, а фильмы, в которых действие происходит на Манхэттене, уже закончились. Я посмотрела «Неспящих в Сиэтле». А «Когда Гарри встретил Салли» – даже дважды. Пытаюсь заказать пад-тай в «Тай 72», но никак не могу вспомнить адрес квартиры, в которой живу. Тогда я определяю свое местоположение приложением «Найти друзей» и извиняюсь перед диспетчером за задержку.

Так что вы хотите?

Пад-тай, снова повторяю я. Пад-тай.

3

В первый день учебы я одеваюсь особенно тщательно: комбинезон, обтягивающая футболка, никакого лифчика. Кошу под Деми Мур из «Привидения». Не успев почистить зубы, проверяю электронную почту.

24.08.16 10:04

От кого: ezramunroe@gmail.com

Кому: irisirisiris@gmail.com

Привет!

Знаю, я был против общего аккаунта в Спотифае, но больше не возражаю. Только, пожалуйста, не меняй ничего в моих плейлистах. Я тысячу лет их составлял. Каждый – отдельная биосфера.

Кстати, в плане представлений о моральном состоянии друг друга – я сейчас примерно в первом альбоме «Velvet Underground». Это тот, который с бананом на обложке.

По поводу того, скучаю ли я по тебе. Возможно, ты права. А может, это просто отходняк.

Ты имела в виду 5 вечера по-нашему или по-вашему?

Только не нажимай «в случайном порядке». Слушай как есть:

Little Dragon «Ритуальный союз»¹

¹ См. стр. 476.

Grimes «Бесконечная недоступная любовь»

Air «Утром»

M.I.A. «Бумажные самолетики»

Billy Joel «Как долго»

Nick Drake «С того утра»

The Smiths «Очаровательный мужчина»

Edward Sharpe and the Magnetic Zeros «Домой»

Я даю некоторым плейлистам Эзры новые названия, а затем слушаю свой на повторе.

Фотографирую кирпичную башню возле станции метро «Семьдесят вторая улица». На ней висит плакат: «ВЫ НЕ ОДИНОКИ! 1-800...»²

В аудитории я сажусь на последний ряд и старательно строю из себя ту девушку из «Топ-модель по-американски», которая сказала – я здесь не для того, чтобы завести друзей, я здесь, чтобы победить.

Давайте сразу договоримся: на этом курсе звезд нет.

Кураторша похожа на гламурную ведьму. Не думайте, что вы какие-то выдающиеся, заявляет она. Если можете заняться чем-то другим, лучше так и поступите. Если ищете денег, славы, внимания или одобрения – дверь вон там.

Нам раздают листовки: будет еще одно ознакомительное занятие для иностранных студентов, и еще одно – для цвет-

² 1-800. начало телефона доверия для потенциальных суицидников в Нью-Йорке.

НЫХ.

Что за гиперопека? – бормочу я себе под нос.

Тут вообще-то некоторые слушают, шипит белая девушка с тюрбаном на голове. И раз тебе такое кажется гиперопекой, значит, эти листовки не для тебя.

В определенном смысле она права. Меня уже принимали за испанку, португалку, египтянку, еврейку, турчанку и киприотку. Я говорю, не как американка, а выгляжу, не как англичанка. Стоит мне открыть рот, как все сразу понимают – я не здешняя.

Как-то в самом начале отношений мы лежали в постели, и Эзра попросил – скажи что-нибудь на хинди.

Я взяла его лицо в ладони и произнесла *Sadak se nikalja* (прочь с дороги).

* * *

Нэнси так и не простила меня за то, что я уехала. Но рано или поздно простит, мы обе знаем, что на свете не так много людей, которые ей нравятся. Я бомбардирую ее сообщениями, чтобы смягчить ее уязвленную гордость.

Айрис, 9:27: Если снова начнешь со мной разговаривать, я пришлю тебе букет роз и коробку макарунов. А если так меня и не простишь, скоро услышишь в новостях, как пожелавшая остаться

неизвестной девушка двадцати одного года от роду обожралась до смерти в просторной, но жутко безвкусной квартире. Кстати, я совершаю кругосветное путешествие при помощи сайта под названием «Безграниц».

К тебе обращается иммигрантка с разбитым сердцем.

Сжался.

Нэнси, 12:35: Я просто завидую твоему богатству и развеселой жизни. И еще я тут нагуглила, что напротив тебя, по другую сторону парка, живет Джоан Дидион³. Ты еще не начала за ней следить?

* * *

Ужасно надоело, что мне всегда нечего ответить на вопрос, чем я занималась в выходные. Пожалуй, схожу в «Метрополитен». Все равно на улице адская жара, а для студентов – вход бесплатный. Пишу Эзре, что иду в «Мет», а он в ответ присылает смайлик с ниндзя. Эта его привычка отправлять эмодзи невпопад сначала казалась мне забавной, но теперь я начинаю подозревать, что все дело в лени. Не буду ничего ему писать, пока он не прочтет сообщение и не ответит мне словами. Идти к музею нужно через парк. На мне голу-

³ *Джоан Дидион* – американская писательница, ее романы и очерки исследуют распад американской нравственности и культурный хаос, а главной авторской темой выступает индивидуальная и социальная разобщенность.

бой сарафан и кеды. А еще темные очки, в которых мне как-то спокойнее. Со стороны меня, наверное, можно принять за туристку. Вечером как минимум пять парочек обнаружат меня на заднем плане своих фотографий, и ничего им с этим не поделать. У озера позируют жених и невеста. Она вся такая в бежевых кружевах и с букетом роз. А он – на несколько дюймов ниже ростом. Фотограф велит ему поцеловать невесту – скорее всего чтобы на снимке не было видно второй половины его лица. Должно быть, он очень богат. Я иду и слушаю Лорд, «Королевские особы».

28.08.16 23:34

От кого: ezramunroe@gmail.com

Кому: irisirisiris@gmail.com

Привет!

За жизнь: Ходил на карнавал в Ноттинг-Хилл.

Шум, толкотня, куча пьяных. И все же не пожалел, хоть никогда и не понимал смысла подобных мероприятий. Полагаю, они нужны для того, чтобы не мучиться чувством вины за то, что торчишь дома. Стив наконец вернулся из всех своих поездок, чему я очень рад. Он дома уже два месяца. Расстался с девушкой, с которой встречался четыре года. Тебе бы она не понравилась. Все время разглагольствует про маркетинг, используя автодорожные метафоры. «Свалился в кювет» и все такое. Ну да ладно, в общем, Стив вернулся.

Концерт прошел паршиво. Акустика была ужасная. Приходила Долли. Больше рассказать особо нечего.

Перечитываю «Искусство войны».

Сунь-Цзы говорит: повергнуть врага без сражения – вот вершина воинского искусства.

Интересный факт: Знаю, ты думаешь, что я был под кайфом, когда рассказывал о фракталах. Но вот послушай! Самый большой в мире солончак называется Салар-де-Уюни. Расположен он на юге Боливии. Так вот, подобная случайная последовательность кристаллов и есть фрактал. Бесконечно повторяющийся узор. В Википедии сказано: «Фрактал – это множество, обладающее свойствами самоподобия...» Они образуются, когда какой-то простейший процесс повторяется снова и снова в непрерывном цикле. В природе полно фракталов. Например: деревья, реки, береговые линии, горы, облака, морские раковины, циклоны и т. д.

* * *

Я отослала в университет синопсис своей книги об истории соли и несколько стихотворений Нэнси. Мы в тот вечер крепко поддали, она скорее всего вообще не запомнила, что мы что-то куда-то отправляли. Но мой синопсис внезапно приняли. У меня всегда был потенциал. А Нэнси сюжеты не даются, она придумывает пару первых предложений, а потом впадает в ступор. Сейчас она пишет диссертацию о женщинах-радикалах и эпистолярном жанре. И иногда переска-

зывает мне всякие романтические факты, например: Мэри Шелли научилась писать, водя пальцем по буквам, выбитым на надгробном камне ее матери.

Мы с Нэнси познакомились в Оксфорде, во время недели новичков. Она меня сразу невзлюбила. А я ее просто не замечала. Была слишком занята – пыталась вскружить голову Эзре. Нэнси же просто использовала, как наживку. Их обоим хлебом не корми, дай высказать свое мнение о чем бы то ни было. Нэнси заводит речь о Кристевой или Марксе, а Эзра тут же приводит довод из «Современной науки», которую она временами, назло ему, читает.

Я никогда до конца не понимала, что думаю и чего хочу. Нэнси говорит, это от того, что меня подавляют.

Просто я скорее призма, чем луч света, возражаю я.

В этом, не унимается она, и заключается самая суть подавления.

Они с Эзрой по-разному объясняют отсутствие у меня твердых убеждений. Нэнси считает, это потому, что я писатель, и рассуждает о Китсе и отрицательной способности. А Эзра нахваливает мой эмоциональный интеллект. Иногда мне кажется, что им стоило бы начать встречаться.

Однажды я брякнула это Эзре, когда мы валялись в тени за зданием колледжа. Он сморщил нос, как будто близость Нэнси могла бы подпортить ему эротический капитал.

И сказал – но она мне даже не нравится.

Это не важно, возразила я. Выползла на солнышко и по-

целовала его. Я не стала ему рассказывать, что всю прошлую неделю мы с Нэнси спали в одной постели. Что я заметила, какие белые у нее бедра, а она ужасно смутилась. Эзра ел замороженные ягоды из пластикового стаканчика, и у его губ был ягодный привкус.

Ни у кого в мире нет таких глаз, как у Нэнси. Они словно две лагуны – лазурные, глубокие, того и гляди утонешь. Одна радужка словно расколота, и трещинки образуют вокруг зрачка звездочку. Ее глаза прямо излучают свет. И то, что однажды Нэнси ослепнет, – невероятно жестокая шуточка жизни. У нее макулодистрофия сетчатки. Однажды вечером мы тусили где-то, и один незнакомый парень спросил – это у тебя правда такие глаза или ты линзы носишь? А что за фирма, а? Но я не стала влезать, потому что знаю, Нэнси умеет за себя постоять. Мне не раз доводилось видеть, как она разрывает людей в клочья. «Да, у меня пиздец с глазами, дальше что?» Вечно я наблюдаю, как она доводит кого-нибудь до слез. А потом оттаскиваю ее от окровавленного тела.

Когда мы с ней только познакомились, я тоже начала ее расспрашивать. А она сказала – пошла на хер. Я отпрянула, а она добавила – боже, не в буквальном смысле. С тех пор мы обсуждаем ее проблемы со зрением только в самых крайних случаях. Я напоминаю ей, что пора записаться к врачу. А она отвечает, что не собирается вываливать кучу денег, чтобы услышать то, что ей и без того известно. Я включаю свет, когда она читает. И замедляю шаг, когда мы вместе – она на

этих своих высоченных каблуках – подходим к пешеходному переходу. А она, заметив это, выдирает руку, как строптивый ребенок.

Кожа у Нэнси фарфоровая, одевается она всегда в черное. А если кто-нибудь спрашивает почему, отвечает – я перестану носить черное, когда изобретут другой цвет. Ей уже посвятили три эссе, один рассказ и несколько стихотворений. И во всех этих произведениях она мельком появлялась в роли самой себя. Несколько парней зарифмовали в своих стихах «Нэнс – блаженств», что привело ее в ярость. Люди всегда запоминают именно те строчки, где говорится о ней. Нэнси этим очень довольна, всегда сует мне книжки, раскрытые на этих отрывках.

Я и правда так сказала, говорит она при этом.

Еще Нэнси лицемерка и прикалывается надо мной из-за того, что я давно мечтаю стать музой.

Нужно быть субъектом, а не объектом, не забыла? Только представь, что кто-нибудь и в самом деле выбрал бы тебя музой. Да ты бы со скуки померла! Целыми днями изображать эфемерность...

Ты, похоже, меня совсем не знаешь.

Эди Седжвик, Марианна Фейтфулл, Кортни Лав – кому из них это принесло счастье? – не отстает она.

Может, они были недостаточно хороши.

В чем это? – спрашивает она. В чем?

Когда Макс, барабанщик группы, начал называть меня

Йоко, я была вне себя от счастья. Раньше-то он считал, что я какая-то неубедительная.

Скажи это Эзре, попросила я. То-то он посмеется.

Эзра тогда как раз только начал носить контактные линзы и постоянно щурился от яркого солнца.

Йоко была художницей, заметил он.

Лондон

Чувак, ты чокнутый, говорит Ндулу, закидывая в рот клубнику. Только сумасшедшие могут считать, что сдали с тех пор, как заключили контракт с «Wag». У тебя совсем кухня отъехала, отвечаю. Эти парни – настоящие гении. *Про-роки!*

А знаете, у кого точно чердак протек? – вставляет Лукас. У Бена Вао. Не знаю, чем он таким вчера удолбался, но нам тоже такое надо. Видели бы вы его рожу!

Ой, да ладно, чувак, ты просто завидуешь.

Да нет, я просто думал, что на твоего парня можно положиться, вот и все. Ты сказал, он самый лучший человек во всем Камбервелле.

Он не мой парень, он просто парень. И кстати, если наркота была такая паршивая, почему к утру от нее ничего не осталось, а?

Стоит август, уже за полдень, Лукас и Ндулу так и не ложились. Всю ночь гудели, оплакивая грядущее закрытие

«Фабрики»⁴. Как выразился Ндулу, отдавали дань уважения. Подпрыгнув, он дотягивается рукой до балки под потолком на кухне Макса.

Лукас, ругаясь себе под нос, соскребает черноту с подгоревшего тоста. Макс молчит с тех самых пор, как Лукас обозвал отбросами тех передознувшихся в «Фабрике» малолеток, из-за которых клуб теперь закрывают. Пару недель назад он заявил, что это мерзкое выражение, и теперь Лукас швыряется им дело не в дело, как конфетти. Обзывает отбросами соседскую кошку. И Бьёрк. И Бейонсе.

Препираться они начали в полдень – как раз когда должна была стартовать репетиция.

Ну и что, мы пришли-то только в одиннадцать, буркнул Лукас. Угомонись уже, а?

Эзра потянулся, давая понять, что вовсе не против, и мысленно передвинул отметку на таблице учета рабочего времени. Потом заложил пальцем «Песни невинности и опыта» и тоже принялся спорить о том, кто кому открыл Эйфекса Твина.

Вообще-то это был я, заявляет он, только подливая масла в огонь.

Минуты две он активно участвует в разговоре, а потом снова утыкается в книгу. Макс, лежа на полу, крепко сжимает в кулаке барабанные палочки, словно кто-то того и гляди у него их вырвет. На недавней тусовке – после которой он

⁴ «Фабрика» – один из крупнейших ночных клубов, навсегда закрылся в 2016 г.

клялся, что больше к наркоте и близко не подойдет, – на него снизошло озарение. Переводя взгляд с одного члена группы на другого, он вдруг выдал – давайте кое-что проясним. У Эзры голос. Лукас – классный продюсер. А Ндулу все любят.

Больше они эту тему не поднимали, но с того дня Макс стал учиться работать в *GarageBand*⁵.

Вывернув шею, Макс читает название книги Эзры и спрашивает – ну и как?

Эзра косится на Лукаса и Ндулу. Он не любит озвучивать свои идеи, пока не обмозгует их как следует и не подыщет неопровержимые аргументы. Но парни все равно не слушают, они очень заняты – стреляют друг в друга «Скитлз» через стол.

Автогол! – орет Ндулу и выбрасывает кулак в воздух. Оранжевый, оранжевый, оранжевый, оранжевый. Что, съел?

Ну, меня заинтересовала экзистенциально-мифическая идея...

Ох, малыш, прости, что? – Лукас демонстративно представляет ладонь к уху.

Ндулу, глядя на них, щелкает себя по шее и ухмыляется. Эзра натягивает на лицо невозмутимое выражение.

Ну так что, ребята, вы готовы? – спрашивает он, вставая.

Экзистенция... Да брось, расскажи. Мы ж теперь спать не сможем!

Макс, начинаем?

⁵ Приложение для сведения музыкальных треков.

Ндулу и Лукас, переглянувшись, набрасываются на него – нет, расскажи, расскажи! Давай же, Эзра! Мистер солист, открой нам тайну! В чем секрет? В чем секрет?

Эзра, вздохнув, откладывает книгу.

Ну, учитывая, что Уильям Блейк переосмыслил изначальную экзистенциально-мифическую концепцию Мильтона.

Постой-ка, говорит Лукас. Что?

Эзра повторяет фразу еще трижды, прежде чем понимает, что над ним прикалываются. Тогда он снова надевает наушники. Лукас гудит оооо и машет подолом воображаемой юбки, пока Ндулу не тычет его в плечо. У Эзры в наушниках играют Rumours, он выкручивает звук на полную мощность.

Эти ребята – его лучшие друзья, но в последние месяцы более или менее ровно Эзра относится только к Ндулу. По крайней мере, тому ничего от него не надо. Макс постоянно засыпает его вопросами. Эзра подозревает, что делает он это только для того, чтобы тут же ввернуть заранее подготовленные контраргументы. Во время последней тусовки Макс не нашелся, что сказать по поводу последнего трека Alt-J, и внезапно перешел на французский. Эзре было стыдно за него, а еще стыднее за себя – за то, что у него такие приятели.

А после дебатов республиканцев Макс заявил – конечно, Трамп ужасный человек, просто жуткий, но альтернатива-то не лучше. И пожал плечами, мол, это же очевидно. Эзра тогда подумал, что незаменимых барабанщиков все же не бывает. Даже если этот конкретный барабанщик – твой друг

детства, а его отец руководит отделом поиска новых исполнителей в «Infectious»⁶.

Дай нам еще пять минут, Эз, просит Ндулу.

Когда наконец все готовы к работе, Эзра этак между прочим рассказывает про письмо. Он не упоминает, что адресовано оно было ему одному. Когда Лукас выхватывает у него ноутбук, Эзра напрягается, но тот всего лишь хочет погуглить, что за блогер им написал. Оказывается, эта девушка ищет молодых перспективных лондонцев. У нее 64 760 подписчиков в Инстаграме и колечко в носу.

Она *курит*, говорит Ндулу. Кстати, Глюкас рассказал тебе про свою новую подружку?

Лукас невозмутимо подключает усилители, а Ндулу, настраивая гитару, продолжает.

Ох, чувак, она бросалась на него, как голодная волчица. Просто проходу не давала. А Лукас такой...

Ндулу с визгом бросается через всю комнату и прячется за занавеску. Та колышется, в воздухе пляшет бахрома.

Все смеются. Эзра снова утыкается в книгу и оставляет пометку на полях. Наконец Лукас подключает наушники.

Все готово, говорит он. Поехали.

Репетиция наконец начинается. На часах почти половина пятого. Эзра не спит уже двенадцать часов.

⁶ «Infectious Music» – независимая звукозаписывающая компания.

Он бежит, бежит, бежит. И с каждым днем бежать приходится все быстрее. С приходом лета мамашки, гуляющие с детьми на улицах, начали здороваться с ним, как с давним другом. С тех пор Эзра старается оставлять очки дома. Нужно постоянно держать мозг в тонусе. Ему с самого окончания университета мерещится, что он вконец обленился. Интересно, в каком возрасте начинается снижение когнитивных способностей? Может, стоило продолжить учить немецкий, сдать на уровень А? Однажды Эзра прочел в интернете статью о нейропластичности, о том, что в подростковом возрасте начинается синаптический прунинг и создавать новые нейронные связи становится гораздо сложнее. С тех пор он пытается чистить зубы левой рукой.

В голове у него по-прежнему крутится последний разговор с матерью Айрис. В тот день он постоянно крутился у Айрис под ногами, старался отвлечь ее в те моменты, когда она готова была сорваться, строил смешные рожи у Тесс за спиной. Айрис собирала вещи, а он тем временем помогал готовить обед. В новостях показывали выступление Foals на фестивале Гластонбери. Камера дала крупный план футболки Янниса Филиппакиса с надписью: «Злоупотребление властью никого не удивляет».

Тесс сказала – читала сегодня в газете, что из-за брекзита

у многих групп возникнут проблемы с концертными турами. Но у вас вроде все по плану?

Ага, отозвался Эзра. Все хорошо, да.

Он успокоил себя тем, что это всего лишь вопрос хронологии. Однажды наступит время, когда все, что он сейчас говорит, станет правдой – Долли согласится стать их менеджером, их клипы будут собирать по пятьдесят тысяч просмотров, о них начнут писать в блогах. А в клубах их перестанут выпускать на сцену не раньше четырех утра.

Терпеливо идти за мечтой, думает Эзра, ожидая, пока проедут машины, ни разу не проблема. Беда в том, что на пути попадаются другие люди. Приходит сообщение от Ндулы – ему нужно отвезти в ремонт велосипед. И еще одно, от Лукаса – он опоздает.

Прошел уже год с тех пор, как члены группы «Ленивые клинки» вернулись по домам, оборудовали студию у Макса в гараже и полностью посвятили себя музыке. Первую их композицию Эзра окрестил побочным продуктом Лукасова приспособленчества. Сам он никогда бы такое не записал, и Лукасу это отлично известно. Эзра даже петь ее не хотел, но Лукас его все-таки продал. Голос у него, конечно, хороший, но вовсе не хочется прослыть тупым выпендренником.

В то лето они устроили себе подростковый отрыв в Озерном краю: слушали Red Hot Chili Peppers и Radiohead, читали «На дороге», забивали косяки, ловили лангустов, плескались на мелководье. Лукас и Ндулу прихватили с собой ги-

тары, Макс смастерил из подручных материалов барабанные палочки. Эзра, помнится, что-то пел и периодически втягивал носом узкие дорожки кетамина. Потом он вырубился, и ребята укутали его одеялом. Когда его отпустило, все уже спали. Только Лукас по-прежнему колдовал над чем-то в GarageBand. Лицо у него было серое и застывшее. Срань господня, рассмеялся он, прослушав в наушниках получившийся трек. Потом снял их и вручил Эзре, а сам ушел в кухню и принялся чем-то греметь. Эзра нажал на «Play».

Он и не вспоминал об этом случае, пока Лукас не включил их запись в диджей-сет. В том, что выложил трек на Soundcloud, он признался, только когда тот собрал уже пять тысяч лайков. Все пришли в восторг. И только Эзра, любитель классической ясности и точности в музыке, слышать не мог эту какофонию. Все это было жутко унижительно. Пришлось научиться скрывать свои чувства.

Эзра останавливается завязать шнурки. Весь последний год он выступал в пабах перед вчерашними школьниками. А если попадал на джемы, всегда старался исполнить какую-нибудь протестную вещицу, что-то про Трампа. Может, это были и не самые лучшие их композиции, зато они затрагивали важные и актуальные темы.

Дилан написал «В дуновении ветра» в двадцать один год. Двадцать один.

Вечером Лукас присылает в чат группы сообщение: **Пе-**

щера отшельника 7:00.

Эзра пишет Айрис:

Вот список пабов, до которых всем нам добираться примерно одно время. Можно было бы выбрать любой. Но Лукас не был бы Лукасом, если бы не назначил встречу в кабаке, до которого ему идти ровно три минуты.

Когда мы сможем поговорить?

Потом заносит палец над кнопкой «стереть». Не хочется показаться брюзгой. Двумя пальцами он щупает пульс. Похоже, вот-вот начнется приступ паники. О симптомах он вычитал на Reddit, сайте, где всегда проверяет, как сочетаются друг с другом те или иные препараты. Все принятые за ночь вещества он тщательно записывает в телефон, озаглавив заметку «Вопрос жизни и смерти». Ты прямо Шерлок Холмс, говорит Айрис. Тот тоже оставлял в кармане список принятых наркотиков, чтобы, в случае чего, его нашел Майкрофт. Эзре не хочется развенчивать эту версию, озвучив куда более прозаичную правду – таким образом он пытается хоть как-то держать себя в узде. Впрочем, у Шерлока Холмса были те же мотивы.

Лукас в пабе так и искрится энергией. Оказывается, он пропустил день рождения сестры, зато побывал на концерте в Бристолле.

Мама взбесилась, конечно, но оно того стоило, рассказывает он. Что может быть хуже, чем провести день в комнате,

полной малолетних фанаток Тейлор Свифт?

В общем, продолжает он, на сцену вышла одна троица. С виду упоротые такие, но в хорошем, психоделическом, смысле. Знаете, из тех, кто смотрит «Голубую планету». Pink Floyd, кислота, аниме, рубашки в «огурцах», все такое. Поначалу я, как глянул на них, сразу подумал – ну хоть поржу. Но тут они начали лабать, и народ просто из себя стал выходить. Играют они в основном электронику, но оборудование у них не лучше нашего. Я поговорил с их басистом, так он сказал, они научились циклировать прямо на ноутбуках. Записывают свои концертные выступления, что нужно, вырезают, что нужно, добавляют, потом все синхронизируют, микшируют – и готово.

Ндулу понимающе щелкает пальцами. Значит, они...

Вот именно! В любой момент могут врубить нужный фрагмент и начать играть поверх. В жизни не слышал такого насыщенного звука.

Лукас ждет от остальных аналогичной реакции. Но Макс вдруг невпопад спрашивает – может, по бургеру? Все начинают спорить. А Эзра вытаскивает мобильный. Не лучший момент, чтобы признаться, что у него нет денег. В этом месяце он все спустил на звуковое оборудование.

Ндулу толкает его локтем в ребра. Кому пишываешь?

Эзра пожимает плечами. Потом открывает Soundcloud и загружает вечерний плейлист. Он и сам слышал про этот концерт, но, чтобы поехать на него, пришлось бы купить би-

лет на поезд, а он никак не мог мысленно оправдать перед самим собой эту трату. Лукасу же, похоже, оправдания не нужны, он просто действует. Ндулу предлагает ему чипсы, но Эзра отмахивается. У него еще хватит на автобус и пинту пива. А дома в духовке ждет мамина запеканка. Эзра понимает, что мама оставила ее, потому что волнуется за него, но все равно это бесит. Еще она звала его вместе сходить к мессе, но Эзра в последний раз был в церкви еще до отъезда Айрис. Как она тогда забавно нервничала.

Спрашивала – и что, нужно будет встать на колени? И съесть эту штуку. как ее там? Печеньку?

Эзре, в общем, было по барабану, пускай бы хоть кексом просфору назвала, но все равно эти расспросы отчего-то раздражали.

Да там ничего сложного. Просто повторяй за остальными. Вставай, когда все встают, садись, когда все садятся.

Когда все закончилось, Айрис вцепилась ему в руку. Служба ее прямо очаровала, она никак не могла понять, почему он ко всему этому так неоднозначно относится.

В детстве, наверное, ты без ума был от всех этих ритуалов...

Ты что же, думаешь, я в Брайдсхеде вырос? На самом деле я помню только, как пытался рассмотреть под накидками фигуры девчонок из хора. И строил им глазки через проход.

Вернувшись домой, Эзра гасит верхний свет, включает компьютер, надевает наушники и садится за работу. А потом

шесть часов не встает из-за стола.

Больше всего на свете он ненавидит гудки Скайпа. Кажется, Айрис вот-вот ответит, но нет, снова гудит. Пользуясь моментом, Эзра забрасывает кучу грязной одежды подальше, чтобы ее не было видно на экране. Наконец Айрис отзывается. Она тяжело дышит, как будто только что бежала. От звука ее голоса в теле Эзры начинается какая-то химическая реакция.

У тебя правда все хорошо? Ты какой-то напряженный, говорит она.

Лукас так и не закончил бридж⁷. Даже Макс с этим справился бы. Господи, да моя мама и то смогла бы.

Ты, наверно, совсем без сил.

Он два года этому учился! Ему просто интереснее играть со звуком в ноутбуке, чем заниматься настоящей музыкой.

Эзра знает, что повторяется. Но, когда он проговаривает все это вслух, неприятности кажутся чуть менее ужасными или хотя бы чуть более пропорциональными. Однако стоит ему капельку расслабиться, как ее лицо на экране начинает дрожать.

Ты что, вышла в другую комнату?

⁷ *Бридж* – отрывок музыкального произведения, который отвлекает слушателя от основной музыкальной темы и делает ее повторное звучание более эффективным.

Нет, отвечает она.

Вроде что-то изменилось.

Все нормально. Продолжай.

Он говорит что-то, Айрис пытается ответить, но звук в ноутбуке заикается и трещит, как будто кто-то невидимый внутри палит из пистолета. Эзра смотрит на то и дело замирающее изображение. Нет никакого смысла вот так общаться.

Зачем ты постоянно звонишь и даешь отбой? – раздраженно спрашивает Айрис. Эзре хочется ее укусить.

Тут ноутбук отключается. Зарядку Эзра забыл в студии. Он начинает, не глядя, хватать разложенные на своей детской полке предметы и швырять их в мусорное ведро. Модели самолетов, крестильные носочки, «Ласточки и амазонки». Все это ему не нужно. Пищит мобильный. В Вотсап пришло сообщение.

Айрис 18:03: Почему ты дал отбой?

Эзра 18:03: Ничего я не давал. Может, это ты отключилась?

Айрис 18:03: Ага, конечно.

Эзра 18:04: Правда? Зачем?

Айрис 18:04: Да так, по приколу.

Эзра 18:04: ... печатает...

Айрис 18:05: Скайп глючил, но я услышала почти все, что ты говорил.

Эзра видит, что она набирает сообщение, и перестает пе-

чатать. Айрис разговоры даются легче. Он сразу начинает думать о том, что большая часть жизненных ситуаций – сущий абсурд. Она, в общем-то, думает так же, но это не мешает ей поддерживать беседу.

Айрис 18:09: Знаешь, мне писать тексты для песен в соавторстве было очень нелегко. Честно говоря, я терпеть этого не могла.

Айрис 18:09: Может, тебе просто трудно довериться Лукасу?

Эзра 18:11: Он несерьезно относится к делу.

Айрис 18:11: Неудивительно, что вы так друг друга бесите. Вы же все время вместе. Поговори с Ндулу, вдруг ему тоже тяжело?

Айрис 18:12: Хотя, конечно, чисто мужской коллектив – определенно не твое.

Айрис 18:12: *намеренно не упоминает чисто женские коллективы и женщин вообще*

Эзра 18:15: Я жутко устал. Вчера был отвратный день.

В итоге я рано завалился спать.

Айрис 18:15: Вспомни нашу мантру. Подумай о людях, которыми мы восхищаемся. Кому из них в двадцать жилось по кайфу?

Эзра 18:17: Я уже год этим занимаюсь. Достало.

Перед моим отъездом Эзра завел нам с ним почтовые ящики на Gmail и велел мне проверять почту не чаще одного раза в день. Я выставляю в телефоне таймер на «через час», потом меняю на «через полчаса», потом на «через двадцать минут».

02.09.16 12:32

От кого: ezramunroe@gmail.com

Кому: irisirisiris@gmail.com

Интересный факт: Привет! Сегодня я пытался изобразить флажолет в проигрывше «Кулона». Флажолет – это такой прием, когда ты мягко зажимаешь струну в области, делящей ее на равные части, как правило, на $1/3$ или $1/5$. Струна вибрирует с обеих сторон от твоего пальца... и звук получается особенно высокий и чистый, как звон колокольчика. Но достичь этого можно, только зажав струну в правильной точке (если не туда поставишь палец, ничего не получится).

Я читаю статью о лабораторных крысах, которых держали в клетках с кормом, водой и кокаином. Некоторые из них не могли оторваться от кокаина, даже если это грозило им голодной смертью или ударом тока. Но стоило ученым запустить к ним в клетку других крыс или поставить беговое колесо, как большинство теряло интерес к наркотику. Все это я пересказываю Эзре по Скайпу, и он встревоженно смотрит

на меня. Волосы у него над ушами – в том месте, где недавно сидели наушники, – стоят торчком.

И кто же я в этой аналогии? – спрашивает он. Крыса или кокс?

* * *

Иду в Венгерскую кондитерскую на углу Сто одиннадцатой и Амстердам. Одна стена в ней разрисована под витражное стекло. В кафе многолюдно, одни посетители читают, другие что-то едят. Какой-то неопрятный мужик, блондин с грязной головой, улыбается мне и ногой выдвигает стул, предлагая сесть напротив него. Мне едва удалось втиснуться на свое место со всеми своими книгами, не говоря уж о марципане, который я вообще не хотела покупать. И все же я качаю головой и делаю вид, что читаю. Перед тем как уйти, он подходит ко мне попрощаться.

У меня есть парень, сразу заявляю я.

Класс, отвечает он. А я твой однокурсник.

Ой прости, просто так много новых лиц...

Сэм, представляется он. Тридцать один год, приехал из Остина. Нью-Йорк считаю жутким местечком – нормальной мексиканской еды тут днем с огнем не сыщешь. Не был, не состоял, не привлекался.

Он ухмыляется и приподнимает бровь, давая понять, что пришел мой черед представиться.

Айрис, бормочу я себе под нос.

Миледи, он шутливо раскланивается со мной на прощание.

Делая вид, что очень занята, я открываю ноутбук. И читаю статью какого-то антрополога о камне, который он купил в Каталонии за 15 долларов. Камень был розовый, полупрозрачный, трапециевидной формы и с виду смахивал на нечто среднее между розовым кварцем и куском мыла. Антрополог положил его на подоконник, и вскоре на камне выступили кристаллики соли. Расстроившись, он помыл камень, а наутро обнаружил, что вокруг него натекла соленая лужа. Потом этот антрополог перекладывал камень с места на место, запекал его в духовке, пробовал держать в медном поддоне. Ничего не помогло. У всех, кто считает интерес к соли странной навязчивой идеей, пишет он в своей статье, просто никогда не было такого камня.

Я набираю Нэнси сообщение в Вотсапе. Пишу, что книга об истории соли – совершенно дурацкая затея.

15:03 Почему ты меня не остановила?

Она отвечает:

15:47 Мне вообще нельзя доверять. Вчера я была на одном официальном мероприятии и там сказала какой-то девице, что в Дублине – сущий кайф. А она в ответ – кайф? Вы имеете в виду наркотики? Кстати, для справки: Мэри Уолстонкрафт и ее муж жили в разных домах.

Она ему говорила: ты всегда в моем сердце, только не маячь постоянно перед глазами.

Я заказываю еще один кофе. И вижу в почте новое письмо от Эзры. Не хочу открывать его, пока не дочитаю статью до конца. Впрочем, я все равно подчеркиваю каждую строчку, чтобы после ему пересказать, так что можно и не мучить себя.

02.09.16 14:45

От кого: ezramunroe@gmail.com

Кому: irisirisiris@gmail.com

Привет!

Засада нашей системы в том, что она предполагает, будто мне постоянно попадаются интересные факты, а в моей жизни регулярно что-нибудь происходит.

За жизнь: Последние две недели мы с Лукасом вдвоем микшировали новые треки. Сняли студию у какого-то парня. Он вроде ничего. Почти все время убитый, так что под ногами не путается. В жизни не видел, чтобы взрослый мужик жрал столько турецких сладостей.

Вдвоем с Лукасом работать куда проще. Макс соглашается на мои идеи, только если мне удастся подать их так, чтобы он не чувствовал себя в стороне. А это не так просто: стоит ему вообразить, что кто-то покушается на его независимость, как он сразу же надувается. У него какой-то пунктик насчет отца, считает, это тот виноват во всех его неудачах. Притом не устает напоминать, что без Infectious у нас бы ничего

не вышло. Каждый выпендривается, как может. Если Лукас опаздывает, Макс бесится, но, если он приходит вовремя, они с Максом тут же начинают препираться, и на это тоже уходит уйма времени. Слава богу, Ндулу не рвется никому ничего доказывать.

Сам не знаю, что со мной происходит. Постоянно взвиваюсь из-за фигни, до которой мне раньше и дела не было. Ну да ладно, главное, первую песню мы записали.

Интересный факт: я понял, весь фокус в том, чтобы сначала сделать всю работу, а потом притвориться, будто тебе плевать. Как там ты говорила про Лукаса? Тщательно культивируемое безразличие? В общем, я активно иду по пути пассивного сопротивления. Или скрытого сопротивления. Сунь-Цзы бы мной гордился.

* * *

Давай встретимся возле «Анджелики»⁸, предлагает Лекси. Там сейчас крутят «Мастера».

Мы с Лекси познакомились еще в школе. Были единственными участницами команды по легкой атлетике, не обладающими выдающимися спортивными способностями. Но тренировались мы изо всех сил и на этой почве сблизились. Лекси говорит, иммигранты вообще народ выносливый. После

⁸ «Angelika Film Center» – сеть кинотеатров в США, где показывают независимые и иностранные фильмы.

тренировок она любила расхаживать по раздевалке голой. Я не знала, куда девать глаза. В те времена Тесс еще утверждала, что ноги выше колен бреют только шлюхи.

Тесс всю жизнь бегаёт. Нет, меня она не заставляет, но это как бы подразумевается. Ей непонятно, как можно жить без спорта – не успеешь оглянуться, как заработаешь ожирение, а потом и вовсе поставишь на себе крест. Людей, с которыми такое произошло, Тесс держит на почтительном расстоянии. В детстве мне казалось, что она похожа на принцессу Раджастхана Гаятри Деви. Когда она была маленькой, бабуля заклеивала ей лоб скотчем, чтобы она не хмурилась. «Не лучшая тактика», – беспечно, как о неудачной стрижке, отзывается об этом опыте Тесс. А мне просто постоянно говорит: «Не морщи лоб». Притом так ловко вставляет эту фразу в любой разговор, что иногда кажется, будто мне она просто почудилась. «Потом еще спасибо скажешь». Тесс делает питательные маски для лица из нута с водой и всегда оставляет в ванной порцию и для меня, аккуратно прикрыв плоску фольгой. Она носит бесформенные кашемировые джемперы, меховые пальто и короткие юбки. Как-то в детском саду нам поручили записать, что едят и пьют наши мамы. У меня вышло: «Сухой мартини и белое вино». Тесс смеялась до упаду. Больше заданий, хоть как-то связанных с холодильником, мне не давали.

Лекси от Тесс в полном восторге. Говорит, моя мать *знает себе цену*.

Ей было девять, когда ее семья переехала в Лондон из Словении. Так что у Лекси теперь этакий британско-словенский акцент. Сейчас она живет в Париже. Войдя в фойе «Анджелики», мы останавливаемся перед расписанием сеансов.

Но у вас с Эзрой есть какой-то план? – спрашивает Лекси. Стратегия, которая поможет вам сохранить близость? Я указываю ей на лоток с леденцами на палочках, но Лекси морщит нос.

Вы это обсуждали? Учитывая его послужной список...

Пробовала когда-нибудь те кислые тянучки? Ой, это что, сладкий попкорн?

Лекси закатывает глаза и берет нам два стакана диетической колы. Она считает, что еда должна быть либо вкусной, либо красивой, либо здоровой. В противном случае она ее есть не будет. Кассир откровенно пялится на Лекси. У нее белокурые локоны (каких у меня, к сожалению, никогда не будет) и носик пуговкой.

Вообще-то Лекси в таких вещах разбирается. Как-то раз она напisyлала своему теперь уже бывшему парню развратных видео в Снэпчат. А он переснял их на другой телефон и смонтировал с роликами, где дрожит сам. С тех пор Лекси свято верит в то, что самое главное – это не оставлять за собой цифровой след.

Даже не знаю, что меня больше напрягло. Что он убил на это столько времени или что посчитал необходимым вмонтировать себя. Мои видео были чувственными. В стиле «Ко-

ко де Мер»⁹. А он просто...

Она двигает кулаком вверх-вниз, а потом вытирает руку салфеткой.

Сексуальная жизнь вовсе не обязательно должна ограничиваться визуалом. Запиши ему аудиосообщение. Расскажи, как провела день, что ты чувствовала, трогала, пробовала на вкус. Постарайся, чтобы это звучало сексуально. И забавно.

Я давлюсь диетической колой.

Ты несерьезно к этому относишься, строго выговаривает мне Лекси. У всех нас есть потребности.

⁹ «Коко де Мер» – марка эротического женского нижнего белья.

Занятия у меня три раза в неделю. В группе куча парней, которые в двадцать шесть прочли «Моби Дик» и решили, что сами могут не хуже. Творческий семинар ведет Саша. У нее вышло уже два романа об антигероинях. Когда она критикует тексты парней, они говорят – вы просто не поняли сути моего замысла.

Стрижка у Саши такая короткая, что сквозь рыжеватые волосы проглядывает скальп. На ногах – мартинсы. Мне ужасно хочется вернуть что-то такое, чего она никогда не слышала.

Самым привычным пейзажем для Сильвии Платт в детстве был край земли, омываемый холодными, солеными, никогда не затихающими волнами Атлантики. Четче и ярче всего она описывает океан.

Но выдавить из себя мне удастся только – я пишу историю соли.

Меня постоянно тянет на соленое, говорит Лиза. Особенно, на Доритос. У вас в Англии продаются Доритос?

Да, отвечаю я, с разными вкусами. У моих однокашников это сообщение внезапно вызывает интерес. Хочется перечислить им все имеющиеся в продаже вкусы.

Любить соленое – это не то же самое, что хотеть соли или нуждаться в ней, говорю я.

И смотрю в экран спрятанного под партой телефона, ожидая, пока перестанут пламенеть щеки. Эзра опубликовал в Твиттере фотографию разделочной доски с горкой порезанного лука. На нем странные носки – один серый, другой синий, с дыркой, из которой торчит большой палец.

Внизу подпись: «На дал¹⁰ хватит?»

Нэнси не устает повторять, что мне нужно бросить вызов реальности, и я записываюсь на семинар публицистики. В обмен она обещает попытаться наладить отношения с Эзрой.

Отправляю Нэнси список людей, с которыми познакомилась:

Бэсси. Научил меня смешивать негрони по Нью-Орлеански: джин, вермут, Кампари и «шепоток, легкий отголосок апельсина», в смысле, апельсиновая цедра.

Финн из Лос-Анджелеса. Утверждает, что с американским романом покончил еще в первом классе.

Лиза. Считает, нам непременно нужно завести тут парней ради культурного обмена.

Девушка из Мумбаи. Посмеялась над моим хинди. Вот тебе и сестринская поддержка.

Тридцатилетняя женщина. Раньше встречалась с абьюзером. Каждую неделю пересказывает нам миф о Персефоне. Сама из Канзаса, но переехала в Мексику к этому своему жуткому парню.

¹⁰ Дал – индийский суп из чечевицы.

Huevon¹¹, называет она его. Cabron¹².

Я не говорю Нэнси, что встречалась с Лекси, потому что она ее ненавидит, хоть и ни разу в жизни не видела.

07.09.16 16:56

От кого: nancyomalley@magd.ox.ac.uk

Кому: irisirisiris@gmail.com

В общем, у меня похмелье. Мутит, как в автобусе до Лурда.

Ужин после семинара прошел паршиво. (Кстати, я говорила тебе, что организую семинар?)

Зачем-то влезла в спор с докладчиком. Он заявил, что эпистолярное пространство не может существовать онлайн. А я возразила, что концептуальное пространство в любом случае существует параллельно материальному миру, иногда взаимодействует с ним, но внутри его не находится. Поэтому эротическая составляющая эпистолярного пространства не зависит от физического расстояния, и не важно, кто доставляет письмо – посредник, почта и т. д.

То есть твои имейлы разносит почтальон? – спросил он.

Тогда я отметила, что время – это тоже своего рода расстояние. А любое расстояние между пишущим и читающим создает феномен отложенного удовлетворения. Все покровительственно заулыбались. И доктору Почтальону это не понравилось.

¹¹ Huevon – тупица (*исп.*).

¹² Cabron – ублюдок (*исп.*).

Конечно, сказал он, вы, миллениалы, слишком заняты тем, что пишете в Твиттер и выкладываете фотографии своих обедов, чтобы заводить реальные отношения с людьми...

Профессор Кеннеди задал нам сравнить предисловия, которые написал к нескольким сборникам рассказов. Он носит брюки из грубой джинсы с толстым кожаным ремнем. Впервые встречаю человека, который заправляет рубашку в джинсы.

Никогда никого не учите, говорит профессор Кеннеди. Найдите партнера, который будет вас поддерживать. Мне, например, моя драгоценная супруга сказала: «Дорогой, не вздумай устраиваться на работу в крупную корпорацию. Твое творчество – это единственное, что имеет значение».

Пол с довольным видом ерзает на стуле. Он первым на нашем творческом семинаре вызвался обсудить свой рассказ. Мне запомнилось, что протагониста тоже звали Полом. Сначала одна героиня подавала ему на подносе собственноручно приготовленный ужин, потом другая пекла для него пирог с персиками. Саша пыталась было объяснить нам, что это сатира на провинциальную Америку, но Пол отверг такое толкование.

Кеннеди говорит, что место действия значимо ровно настолько, насколько мы сами это позволяем. Мои сентиментальные чувства к Индии не имеют почти никакого отношения к реальной стране.

Пытаюсь возражать, но отрывочных воспоминаний слишком мало, чтобы доказать мою точку зрения. Итак, я помню:

- 1) мамин голос;
- 2) павлинов;
- 3) стекающую по беленым стенам бугенвиллею;
- 4) мух, жужжащих над горами теплых желто-оранжевых манго;
- 5) протянутую руку нищенки, увешанную мишурой и автомобильными брелками в форме божеств.

Значит, ты поклонница Арундати Рой, отрезает Кеннеди и переходит к следующей теме. Когда вы пишете, вы затягиваете читателя в свою реальность. Ваша задача сделать так, чтобы у него не осталось другого выхода, кроме как подчиниться ее законам.

После занятия мы с Сэмом обмениваемся впечатлениями. Он пишет антиутопию о двух мужчинах на нефтяной платформе, затерянной на краю света. Я дарю ему репродукцию «Американской Готики» Гранта Вуда.

Подумала, вдруг поможет.

Сэм изучает картинку, а потом сует листок себе в карман. Там не так много пуритан, чтобы грянул апокалипсис, говорит он. Но спасибо.

В компьютерном классе Лиза с грохотом захлопывает дверцу своего шкафчика. Вам не показалось странным то, что говорил Кеннеди?

Выбрось все лишнее, отзывается Пол, не жалея. Он сидит за компьютером и ищет в интернете шпаргалки. Так и Хемингуэй говорил. Кеннеди имел в виду, что несгибаемая воля писателя начинает проявляться только тогда, когда вы отказываетесь от всяких соплей – своих сентиментальных привязанностей, например.

Слово «воля» он произносит так напористо, будто распикивает всех вокруг.

Вскоре я обнаруживаю, что в Нью-Йорке не так много окон, из которых можно было бы выброситься. А под всеми мостами натянута сетка.

* * *

В субботу я решаю отправиться в Бруклин. Стою в вагоне метро, неподалеку от двери, и читаю «Просто дети». На мне обалденное черное бархатное платье, похожее на костюм фигуристки. На Таймс-сквер в вагон заходит какой-то мужчина. Он становится позади меня, приваливается к дверям и начинает тереться твердым членом о мое бедро. Отодвинуться некуда.

Я делаю шаг влево, но он шагает следом. Уж лучше б я не шевелилась – так хоть оставалась бы иллюзия, что я могу отойти, а он за мной не последует. Он что же, полагает, что это у нас такое волнующее эротическое приключение? И от этих мыслей у него еще сильнее встает? Выходит он на Пен-

сильванском вокзале.

Я одергиваю юбку. Потом выхожу на Четырнадцатой, перебегаю на другую сторону платформы и еду обратно в центр. Думаю о том, как рассказать о случившемся Нэнси, какие детали опустить, какие приукрасить. Омерзительный ублюдок, вот как я его опишу. В гидрокостюме. Нет, лучше – в кожаных штанах с вырезом на заднице! Ладно, по ходу придумаю.

Считается, что, если к вам пристают, нужно вытащить телефон, заснять все и опубликовать видео в интернете. А остальное сделает Твиттер. Так говорят эксперты. Но я даже обернуться на него не смогла. И никогда не смогу.

Вечером вставляю в письмо Эзре строчку из Борхеса, которую сохранила на рабочем столе ноутбука: **«Быть с тобой и не быть с тобой – единственный способ измерить время».**

Пару часов спустя Эзра отвечает:

Солнечные часы, песочные часы, луна, звезды, водяные часы, церковные колокола (хотя это, вероятно, не честно, в них ведь бьют по часам?).

Растения, менструальный цикл. Обелиски, сигареты, свечи.

За жизнь: Сегодня утром Макс притащил четыре здоровенных арбуза. Пытался приготовить арбузный крушон, как ты делала прошлым летом. На вкус получилось, как ром с арбузными косточками.

Классная фраза. Можно украсть? Правда, целиком зарифмовать ее не получится, так что придется немного подсократить.

Интересный факт: Читал тут про трансцендентальную медитацию. Оказывается, ими очень увлекался Дэвид Линч. Есть куча интервью, где он рассказывает, как они помогали ему работать над фильмами.

Пришлось удалить свой аккаунт в Твиттере. Но ты свой можешь оставить, если хочешь. На меня подписалась куча какого-то левого народу. И Долли сказала, нельзя, чтобы все мои твиты были адресованы тебе, это плохо для имиджа солиста.

Я не говорю Эзре, что прислала ему цитату из Борхеса. Пускай думает, что я сама так могу.

В шестом классе нам в первый же день учебы задали написать сочинение «Как я провел лето». Когда я проснулась, Тесс уже ушла на работу. Деньги на проезд она оставила на кухонной стойке. Рядом, под старомодным диспенсером для хлопьев, который я купила после того, как мы посмотрели «Тельму и Луизу», лежала записка: «Вернусь к семи. Приготовь что-нибудь». В диспенсере пестрели «Фруктовые камешки». *Омерзительно питательные*. Тесс ест цветные хлопья только в двух случаях: если на душе у нее паршиво или если она недавно занималась сексом. Мое сочинение лежало на кухонном столе, там же, где я оставила его накануне вечером. Тесс сначала нацарапала под текстом «2». А потом ручкой другого цвета переправила оценку на «3-», подписав внизу: «Неточно. (Ограниченный словарный запас?)». От выражений типа «эмоциональный труд» Тесс всегда вздрагивает. А при упоминании «интерсекционального феминизма» ее бросает в дрожь.

Поездки в Мумбаи мало чем смахивали на беззаботные летние каникулы. «Хоть раз видела, чтобы я там попивала пина-коладу?» Но не ехать было нельзя. На обратном пути с Тесс в самолете всегда приключалась истерика, она принималась хихикать от радости, что все закончилось, и никак не могла успокоиться. А во время посадки заставляла меня по-

клясться, что я больше не позволю ей покупать туда билеты. «Это болезнь. Если бы я подсела на азартные игры, ты же не знаю, накапала бы на меня в социальную службу? Откажись садиться в самолет. Ори, что тебя увозят насильно, устрой себе какую-нибудь травму.»

Готовиться к этим ежегодным путешествиям мы начинали за несколько недель: собирали школьные табели, делали прививки, стриглись. Тесс врвалась ко мне среди ночи, внезапно вспомнив, о чем еще ни в коем случае нельзя говорить бабуле и дедуле. Открывала шкаф с нашими индийскими нарядами и рассматривала их, сдвинув брови, как всегда делала, когда думала на хинди. «Не любую одежду можно считать костюмом, Айрис». Я сидела на полу и пересчитывала таблетки от малярии. Тесс запихивала в чемоданы кашемировые носки, упаковки овсяных хлебцев и имбирного печенья, потом вытряхивала все обратно и начинала метаться по комнатам, пылко произнося самообличительные речи. «Зачем я все это делаю? Нет, ты ответь! Что это, вина выжившего?» Риторические вопросы – ее конек. По дороге в Гатвик она напряженно молчала, а в дьюти-фри покупала бутылку «Джонни Уокера». В самолете нам подавали «коронационного цыпленка». Тесс презрительно фыркала и отказывалась понимать, что стюардесса не несет ответственности за эту «жалкую попытку культурной апроприации, которая, кстати говоря, омерзительно воняет». На шестом часу полета она выдергивала у меня из уха наушник. «Пора спать».

Первый предложенный нам номер в отеле она всегда отвергала, жалуясь на невозможные сквозняки, на второй, так уж и быть, соглашалась. Потом мы ехали в квартиру на Малабар-Хилл, по дороге заскакивали за цветами, и Тесс, выбирая самый свежий букет, обнюхивала все ведра в лавке на предмет химикатов. Бабуля всегда обзывала срезанные цветы «умирающими растениями». В такси Тесс отказывалась пристегиваться и, сердито глядя в окно, подхватывала меня каждый раз, когда водитель нажимал на тормоз. Мои легкие заполнял грязный воздух.

5 июля 2007

Тесс открыла все окна в номере отеля. Я чувствовала на языке вкус уличного воздуха – темного, солоноватого, подрагивающего от стрекота цикад. Тесс выключила кондиционер и попросила принести вентиляторы. К ужину мы уже опоздали. Бабуля наверняка будет выглядывать нас с балкона.

Тесс укладывала волосы перед зеркалом, а я бродила по номеру с двумя узкими кроватями.

Я спрашивала, нельзя ли нам занять номер с одной кроватью, двуспальной, чтобы мне лучше спалось. Но она ответила:

Мало тебе было обосноваться в моей утробе?

Я вспыхнула. Зажмурилась и представила, что я ее племянница. Из Тесс вышла бы чудесная тетя, из тех, к которым племянницы всегда просятся пожить.

Теперь я смотрела, как она с хладнокровием, граничащим с враждебностью, вдевает в уши золотые серьги. Потом красит губы ярко-красной помадой и промакивает их салфеткой.

Что скажешь?

Прямо Вавилонская блудница.

Не сводя глаз с зеркала, она послала мне воздушный поцелуй.

Час спустя машина резко свернула на подъездную дорожку. Привратники приветственно сложили руки. Тесс тоже поздоровалась и плотнее запахнулась в пашмину, несмотря на восьмидесятиградусную жару. Мы молча поднялись по ступенькам. Она позвонила, а потом сунула мне в руки цветы, со стеблей которых капала вода. Я чувствовала, как она все сильнее напрягается, и жалела, что нам нельзя поменяться телами. Тесс поспешно достала из сумки платок и стерла с губ помаду, прошептав: *Не стоит давать им в руки дополнительное оружие.*

Боже, Бети, она что, голодом тебя морит? Ништя, ребенок просто кожа да кости.

Привет, мам. Тесс прошла мимо бабули, на ходу сунув мешок с подарками под столик.

В последний наш приезд бабуля вручила Тесс кремы от «La Mer», которые та подарила ей прошлым летом. Прямо

в том же пакетике. А что, лучше б они у меня без дела валялись? Такие дорогие! Деньги счет любят, ты теперь единственный добытчик в семье. А мне-то, старухе, они на что?

Запах лизола и средства от комаров мешался в квартире с ароматом сандала. Тесс попросила содовой с лаймом и подошла обнять сидевшего в кресле дедулю.

Самир, содовой с лаймом!

Мама, я уже попросила.

Он тебя не понимает.

Я тоже обняла дедулю. Я там отложил несколько книг. Ты потом поднимись в мой кабинет. Там светло, просторно... А самое лучшее, что моей эсене с ее больными ногами туда теперь ходу нет, по лестнице ей ни за что не подняться!

Я поморщилась.

Раньше бабуля и дедуля измеряли мой рост у стенки в комнате на втором этаже. Но теперь там все безнадежно отсырело. Им остались две спальни и гостиная внизу. Чтобы размяться, дедуля ходил взад-вперед по подъездной дорожке. А бабуля наблюдала за ним из-за занавески.

Высокая, как эвкалипт, – сказал дедуля.

Она пошла ростом в своего отца, Нахин. И ямочки тоже от него. Бабуля ущипнула меня за щеку.

Потом рухнула в кресло, взяла с блюда карамельку и принялась гонять ее во рту. Я подседа к стоявшему в центре комнаты стеклянному столику. Сколько же тут было разных коробочек! От одной пахло тамариндом, из другой сыпались засахаренные семена фенхеля. Я сунула щепотку в рот, и они тут же позастревали у меня в зубах.

Айрис, они же пыльные. Сто лет уже там валяются.

Только посмотри на эти костлявые коленки, – сказала бабуля.

Тесс принесла из прихожей цветы, привычно потянулась за вазой.

Пока она наливала в нее воду, бабуля причитала: *Этим и Самир может заняться. Ребенку нужно поесть.*

Айрис, взгляни-ка на этот красный цветок. Правда, очень красивый?

Только слегка аляповатый, верно? – подмигнула мне бабуля.

Мне подумалось, что она таким странным провокационным способом пытается со мной сдружиться. Но когда я позже поделилась этой мыслью с Тесс, она на несколько дней перестала со мной разговаривать.

10 августа 2011

Тесс не разрешила мне пойти на похороны дедули, потому что его сжигали на погребальном костре. Я сидела в квартире и раскладывала пасьянс. Тишину за ужином нарушало

только жужжание висевшего над столом вентилятора. Бабуля есть отказалась, но потом все время таскала кусочки роти с тарелки Тесс. И выносила ей мозг из-за Рэя.

Какой пример ты подаешь ребенку? Они с Тесс обменялись взглядами.

Мам, он ушел шесть лет назад.

Я просто спрашиваю, что же ты будешь делать.

Даже не знаю. Покупать лотерейные билеты. Подметать опавшие листья. Курить, пока не посинеет воздух. Пить абрикосовый бренди в ванне и смотреть, как сморщиваются пальцы на ногах.

Я уставилась в тарелку, в луже мангового соуса бился в агонии комар. В прежние времена британцы, отправляясь играть в гольф, одних местных ребяташек нанимали носить за ними клюшки, а других – служить обмазанной джемом приманкой для комаров. В итоге самих игроков насекомые не кусали, а мальчишкам после игры позволялось унести на себе весь джем домой, своим семьям. Не знаю, правда, как они после его с себя соскребали. Интересно, переставали ли они чувствовать боль после пятого или шестого укуса? Или с каждым новым только сильнее предвкушали, как будут есть сладкое?

Тесс тоже заметила комара. Бабуля сплюнула в носовой платок и затряслась в приступе кашля. Тесс раздавила комара салфеткой и скатала в шарик. Я посмотрела на чайную ложку. Отраженная в ней тусклая лампочка была похожа на

луну.

На творческом семинаре мы по-прежнему присматриваемся друг к другу, еще не все принесли для обсуждения свои работы.

Еще мы выбираем, на кого из героев литературных произведений хотели бы быть похожими. Я говорю, что хотела бы походить на манекенщицу из рассказа Джин Рис.

К тому моменту, как лист с графиком обсуждений доходит до меня, место остается только на следующей неделе. Я вписываю свою фамилию и внезапно чувствую, что у меня онемела левая половина лица.

Пишу Нэнси, что, кажется, у меня случился инсульт.

Нэнси отвечает: Ты что, почувствовала запах подгоревших тостов? У меня сто раз такое бывало, и все время оказывалось, что это и правда подгорели тосты.

Звоню Рэю. Он говорит, что все равно давно пора было зарегистрировать меня в Американской системе здравоохранения.

О здешней медицине можно говорить что угодно. Но, по сути, она что-то вроде Швейцарии: великолепно, если тебе по карману.

На МРТ в понедельник я отправляюсь вместе с Лекси. Мне велят надеть больничную сорочку. Лекси отводит глаза,

а потом садится рядом с томографом и утыкается в «Вог». Врач вручает мне беруши, но почему-то не предупреждает, что внутри все равно будет ужасно шумно.

Я лежу в трубе уже минут десять, когда Лекси вдруг бесстрастно замечает – какие у тебя с такого ракурса худые бедра.

Я начинаю безудержно хохотать. А электронный голос произносит: пожалуйста, постарайтесь не шевелиться.

Через несколько дней приходит имейл от Рэя. Тема: **поговорил с врачом, так как ты вписана в мою страховку. Никаких нарушений не обнаружено. Давай рассмотрим другие варианты.**

В теле письма ссылка на статью о взаимосвязи между талантом и психическими расстройствами. Рассказываю об этом Эзре, а он в ответ хохочет.

Отсмеявшись, выговаривает – извини, просто как-то не ожидал. Так что, у тебя психическое расстройство?

Что за возмутительный вопрос! Уж он-то должен знать, что никакого расстройства у меня нет.

Тебе не обязательно жить в моей голове, отвечаю я.

Эзра стирает полосу пыли с моего лица на экране и говорит – голова вроде та же, что и несколько недель назад.

После творческого семинара мы идем в «Закусочную Тома». Левая рука у меня как будто спит. Я укладываю ее на колени, в пальцах покалывает. Заказываю веганский бургер, стакан воды и слушаю, как все обсуждают убийство Кита Л. Скотта и протесты в Северной Каролине.

Он держал в руках *книгу*, возмущается Конрад. Бэсси начинает перечислять всех убитых полицейскими безоружных темнокожих. В горле у меня застрял какой-то комок, и я барабаню пальцами по шее, надеясь, что от этого он растворится. Потом прошу официантку принести мне еще воды, и та беспомощно оглядывается на моих спутников.

Кувшин воды, пожалуйста, повторяет Сэм.

Ах, *воды*, с облегчением вздыхает она.

Я бросаю Сэму благодарный взгляд. Трудно быть иностранкой!

Дело не в акценте, заверяет Сэм. Просто ты слишком тихо говоришь.

В те дни, когда у меня занятия, я работаю в компьютерном классе. Сэм тоже часто тут бывает, потому что его соседка по квартире просто чокнутая. Он носит мне стаканчики с пахнущей хлоркой водой из кулера в коридоре. А выходя покурить, всегда спрашивает – захватить тебе что-нибудь?

«Орео»? Конфетки? Еще он кидает мне ссылки на американские рассказы, которые все местные ребята прочли еще в школе. И пересылает свою переписку с нашими однокурсниками с пометкой «ВСЕГДА СОВРЕМЕННО И АКТУАЛЬНО». Бэсси подсчитал, что степень магистра изящных искусств обойдется нам в 167 долларов в час. Утром я лежала на полу и целых два часа не могла заставить себя подняться и раздернуть шторы. Тесс сказала бы, что это лень. Эти два часа стоили 334 доллара. Конрад постит статьи из «Нью-Йоркера» и «Атлантик» и предвыборный ролик Хилари Клинтон, где девушки смотрятся в зеркало под нарезку высказываний Трампа. Реми обновляет свой «Дневник Писателя». Сон: шесть часов. Спорт: один час. Мясо, секс, кофеин, алкоголь, порно: ноль часов.

Мне хочется переслать переписку Эзре, но он слишком многого не поймет. Открываю Спотифай. Эзра слушает Ника Кейва. Тоже его включаю. И перечитываю его последнее письмо.

28.09.16 21:04

От кого: ezramunroe@gmail.com

Кому: irisirisiris@gmail.com

Трансцендентальная медитация меня разочаровала. Оказалось, нужно нанять своего личного гуру, чтобы он разработал для тебя персональную мантру. Это слово, которое после никому нельзя говорить, не то оно потеряет свою... силу? Просто умора. Я за такое и цента не заплачу. Еще выдадут что-нибудь вроде «пицца».

Лучше уж сам что-нибудь придумаю.

Я считаю, это совершенно нормально, не говорить всем и каждому, что у тебя есть парень. В конце концов, ты – девушка с британским акцентом, которая учится в преимущественно мужской группе, так что это даже полезно. Я и не ждал, что ты станешь писать о наших отношениях у себя на лбу.

И что же тут удивительного, что народ скептически реагирует, когда ты говоришь, что я солист в группе? Я бы на твоём месте вообще об этом помалкивал.

Расскажешь, когда мы прославимся. А пока говори, что я участвую в боях без правил.

Когда в Скайпе сбоит камера, Нэнси начинает обсуждать меня со своими рыбками. Они очень симпатичные, золотистые, но при этом какие-то потрепанные, как будто постоянно друг с другом дерутся.

Слыхали, ребята? – спрашивает она.

Сначала я думаю, что она меня не слышит, потом понимаю, что слышит, и тогда выключаю микрофон и начинаю ей подыгрывать. Так спокойнее, к тому же теперь она тоже не знает, слышу я ее или нет.

Мы часто играем с ней в такую игру: Нэнси вдруг останавливается на полуслове и замолкает, но губы ее продолжают шевелиться. Не поверите, что этот ублюдок сказал потом, – читаю я по губам.

Нэнси, говорю, я тебя не слышу. По ходу, Скайп завис.

В школе мы вечно дурачились перед камерами наблю-

дения. От основного здания к спортивным площадкам вел подземный переход, чтобы ученикам не приходилось переходить дорогу. Мы становились на край откоса и начинали спускаться, двигаясь, как в замедленной съемке. Я воображала, что бултыхаюсь в густом растворе, в стеклянной колбе, – грудная клетка, брюшко... Обычно кончалось все тем, что из школы присылали мастера чинить камеру. Это единственная игра, из которой я всегда выходила победителем. Кто-нибудь обязательно начинал ржать, и все остальные тоже раскалывались. Но мне удавалось себя загипнотизировать, и я потом до конца дня ходила, как в трансе. Правда, когда я пыталась проделать тот же фокус одна, мастера никогда не присылали.

Мы с Нэнси рассказываем друг другу, как любили развлекаться в детстве. Она училась в монастырской школе и лучше всех умела играть в игру «Айда к монахиням!». Монашки жили в отдельном здании, стоявшем на другой стороне поля, приближаться к нему строго воспрещалось. Но самые отчаянные ученицы умудрялись удрать из школы и забраться к ним через окно. Тем, кого застукают, грозило исключение. Но Нэнси никогда не ловили.

Оказывается, Нэнси начала встречаться с парнем по имени Пирс. Он часто водит ее в японскую кондитерскую «Миnamото» и там угощает кингё – розовыми и зелеными шариками виноградного желе, внутри которых плавают золотые рыбки. Пирс пишет книгу о формах эпистолярных обраще-

ний в литературе девятнадцатого века. Нэнси познакомилась с ним на конференции. Он делал доклад о письмах Эдварда Лира. А в последний день представил ее всем как свою девушку. Ему сорок семь. И полное имя его Пирс Тэлби-Браун. Я сразу же бросаюсь гуглить.

Не доверяю людям, у которых в сети только черно-белые фото. Вид у Пирса холеный. Светлые волосы зачесаны со лба. Тонкие губы кривит усмешка.

Полагаю, это его лучшая фотография? – спрашиваю я.

Ой, ну конечно, все должны ориентироваться на твой вкус, огрызается она.

Я пожимаю плечами. У нас с Нэнси разные критерии. Ей повезло, она способна влюбляться в мужчин только за то, что они умные.

Я пересказываю ей, что Кеннеди говорил о своей жене, а она фыркает.

Твой Кеннеди – тот еще ходок. Он целый семестр преподавал в Тринити-колледже. В смысле, в том, который в Дублине. И моя подруга Ниф сказала, что как-то вечером он приставал к ней в «Дойлс».

Ты просто не слышала, как он рассказывает о своей жене, возражаю я.

Зачем бы Ниф сочинять?

Я не собираюсь спорить с Нэнси. Романтизм ей забыли вложить при сборке.

Оказывается, доктор Почтальон пожаловался ее научни-

ку, что она агрессивно вела себя на семинаре.

То есть в работах им моя прямота нравится, говорит Нэнси. Но не дай бог я открою рот.

Она нервничает, потому что у них с Пирсом вскоре намечается первый секс. Я советую ей купить новое нижнее белье. И посылаю ссылки на комплекты от «Agent Provocateur».

Нэнси разглядывает их и морщится. Такое только ты можешь носить, говорит она. У тебя сисек нет.

Рассказываю ей, что перед отъездом в Нью-Йорк Эзра подарил мне золотой кулон с изображением Богородицы. (Он сказал – ты не обязана его носить.)

Покажи, требует Нэнси. Я придвигаюсь к экрану, и висящий на моей шее кулон кружит перед камерой. Это же чудесный медальон, охает Нэнси. Даже странно, что твой мужик не сказал: теперь Пречистая Дева приглядывает за тобой. Я все понимаю, церковный хор есть церковный хор. Но Эзра даже служкой не был. Я говорила тебе, что у нас за входной дверью стоит купель со святой водой?

Мы смотрим «Уитнэйл и я» и пьем водку, разбавленную витаминным напитком. Нэнси видит, что у меня он малиново-яблочный, и зеленеет от зависти. Она три супермаркета обошла, но так и не смогла такого найти. А мне Линдси оставила за холодильником целый ящик. Я начала составлять список всех поступков, за которые мне нужно ее поблагодарить, потому что не хочу делать это больше одного раза.

Пялюсь на Ричарда Э. Гранта.

Фу, извращенка, говорит Нэнси.

Почему?

Он же тощий, как труп. Мог бы своими тазовыми костями повертеть тебе дырки в бедрах.

Пытаюсь выбрать кого-нибудь покрепче. Роберт Дауни-младший.

Маньячка.

Ха-ха. Заметив выражение лица Нэнси, я добавляю – зато не скучно. Да и вообще, уж лучше быть маньячкой, чем страдать от депрессии. Тянусь за следующей бутылкой витаминизированного напитка и объясняю – электролиты.

Ты знаешь, перебивает Нэнси, что Рианне ставили капельницы от похмелья?

С Нэнси смотреть кино по Скайпу легче, чем с Эзрой. Ей не так важно, чтобы мы смеялись в одних и тех же местах. Выходя из комнаты, я не ставлю фильм на паузу, и потом она рассказывает мне, что произошло, пока меня не было. Иногда я выключаю звук и просто слушаю. Нэнси все делает громко. Я слышу, как гремят кубики льда у нее в стакане, как скрипит кусочек сладкого попкорна, когда она вытаскивает его из щели между зубами.

Лондон

Нужно поставить метку, чувак, не отстают Ндулу, бараба-

ня пальцами по стеклу. Это же *та самая*. Все знаменитости на ней останавливаются.

Они едут в микроавтобусе уже три часа. А до Ньюкасла добираться еще четыре. Все это время Эзра борется с тошнотой. Даже рот лишний раз открыть боится, чтобы не заблевать всю приборную панель.

Все знаменитости останавливаются на заправке трассы М1, сухо замечает Макс.

Вообще-то они собирались ехать на поезде, передумали только пару дней назад. Эзра подсчитал, что сэкономят они только три часа, зато поездка обойдется в пятьсот фунтов. И напомнил Ндулу, как весело им было в прошлый раз. Сейчас Эзра раздраженно наблюдает в зеркало заднего вида, как Лукас убирает свое одеяло под переднее кресло. Он громче всех возмущался насчет микроавтобуса, а сам с пяти утра дрыхнет на заднем сиденье. Между Максом и Ндулу стоит такая гигантская колонка, что Ндулу из-за нее ничего не видно. Макс скачал себе шестичасовой курс японского и то вслух повторяет звуки, то принимается зачитывать выдержки из рекламных блогов. Он вызвался вести социальные сети группы.

Хоть не зря время потратим, продолжает он.

Ты что, в Гриндере пошерстил? – ухмыляется Ндулу. Серьезно? Уже назначил свидание на заправке? Вот извращенец.

Шея Макса покрывается красными пятнами. Он признал-

ся, что гей, только несколько лет назад. И хотя и приводил пару раз своего бойфренда Харуто на тусовки, обычно эту тему не обсуждает.

Лукас вытаскивает из ушей беруши и ревет – эй, притор-мози.

Водитель сердито оглядывается на него, потом резко сворачивает. Он разговаривает с женой по громкой связи, вот уже двадцать минут они орут друг на друга по-польски. Врубается радио.

Великобритания начнет официальные переговоры с ЕС по брекзиту в конце марта 2017 года, заявила премьер-министр Тереза Мэй.

Они вылезают из микроавтобуса, и Эзра сразу сует голову обратно в салон. Принести вам чего-нибудь?

Водитель награждает его долгим недовольным взглядом и наконец бурчит – корниш пасти¹³.

По парковке все идут молча. Какие-то несчастные с виду семейки везут своих отпрысков, усадив их на сумки с колесиками. Эзра такого не одобряет. Как и дальнобойщиков, жующих бургеры прямо за рулем. Собирается дождь. На фоне хмурого неба ярко желтеет эмблема «Макдоналдса». Эзра хочет спросить, чем же эта заправка так знаменита, но тут Ндулу с разбегу втискивается между ними и, закинув руки им на шею, отрывает ноги от земли.

Мы должны обращаться с Люсиндой, как с королевой, за-

¹³ *Корниш пасти* – круглый или овальный пирог с разными начинками.

являет он.

Эзра, задохнувшись от неожиданности, отпихивает его. С кем?

С кем, передразнивает Ндулу, всплескивая руками. С кем!

Нельзя давать имя прокатной машине, ворчит Лукас.

Шшш, чувак, она же услышит, в притворном ужасе оглядывается на микроавтобус Ндулу.

Макс принимается перечислять группы, которые давали имена прокатным автомобилям.

А обязательно Люсинда? – перебивает Лукас.

Боишься, все подумают, что это в твою честь? – ухмыляется Ндулу.

А вдруг, если мы не дадим микроавтобусу имя, это принесет нам несчастье? – заявляет Макс. Тут как с пиратским кораблем.

Пфф, ни хрена вы не понимаете. Если Люсинда бросит нас раньше Ньюкасла, сами будете виноваты. Ндулу разворачивается к ним лицом и пятится спиной вперед. Итак, у Лукаса есть жевательные тянучки, а у Макса подушка для путешествий. Он щиплет Макса за руку и добавляет – чувак, отдай ее лучше Эзре, пусть уже прочувствует все свои обожаемые фазы сна.

Эзра хмурится. Он и правда в последнее время много рассуждал о фазах сна. Но хорошо, что Ндулу его простил. Эзра ведь пропустил вечеринку по случаю его дня рождения. Ай-

рис в тот вечер нужно было отправить свою работу на творческий семинар до полуночи. Руки у нее так тряслись, что она не попадала по клавишам. Эзра прислал ей видеоролик о том, как делать бумажных журавликов. А сам сказал – давай, расскажи мне, о чем твоя история. И не спеши. Потом она складывала из бумаги кривобоких птичек и медленно пересказывала ему сюжет, а он за ней записывал. Ндулу все названивал, и в конце концов Эзра вырубил телефон и сунул его в ящик стола. Видишь? Мы в нашем личном часовом поясе. В нашем собственном пространственно-временном континууме.

Когда они возвращаются, в минивэне воняет еще хуже – вишневой газировкой, мочой и невымытыми ногами. В последний раз, когда они брали в прокат автомобиль, Айрис сказала, что в салоне пахнет средством для снятия лака. Это мет, возразил Лукас.

Айрис закатила глаза и написала Эзру на руке: «И когда это Лукас пробовал мет?!!»

Эзра открывает окно. Когда сидишь впереди, есть хоть какая-то иллюзия контроля над ситуацией. Он воображает, что сам ведет машину: в случае чего перехватит руль. Но от вида встречных автомобилей его укачивает. Эзру как-то не по себе от того, что их возит человек, которому они так явно не нравятся, и он старается вести себя дружелюбно.

Нравится вам водить микроавтобус?

Их подрезает синий «Вольво». Шофер яростно гудит.

В твоей стране что, до сих пор ослы по дорогам ходят? – орет он.

В зеркале заднего вида Эзра замечает застывшую улыбку Макса, и на секунду его накрывает такая тоска по Айрис, что сводит живот. Если бы они сейчас встретились глазами, он бы точно рассмеялся. Водитель, ругаясь, разворачивает свой пирожок. По салону разносится запах несвежего мяса. И Эзра вдруг понимает, что страшно голоден. Он оборачивается посмотреть, не осталось ли чего-нибудь съестного на заднем сиденье, и натывается на сердитый взгляд Лукаса. Тот уже несколько дней нарывается.

Все началось пару недель назад, в три часа ночи. Сначала Ндулу придумал последовательность аккордов. Потом Макс сел за установку и стучал, пока у него не заболели руки. Лукас подключил записанные во время прогулок по Лондону звуки города – у него на ноутбуке их четыреста гигабайт, только он никому их не показывает. А после они с Эзрой две ночи подряд сводили звуковые дорожки и отшлифовывали переходы.

Эзра обнаружил, что вокал легче записывать вдвоем, тогда получается, что они оба слышат один и тот же звук. Потом они разошлись по домам поспать и в следующие дни обменялись примерно сотней сообщений. Впервые их всех накрыло вдохновением одновременно, впервые группа работала слаженно, как единый организм, – раньше Эзре прихо-

дилось просто ставить остальных перед свершившимся фактом. Потом Эзра исчез и, как не уставал повторять Лукас, «не выходил на связь целых семьдесят два часа». Вырубил телефон, довел песню до ума и отправил ее Долли. А та ответила: «Великолепно!!!»

На следующий день Эзра разослал готовый трек всем ребятам. В студии надолго повисло молчание, он же пока делал вид, что загружает обновление на ноутбук. Прошла пара минут, зажужжали, включаясь, динамики. Ндулу сел, склонил голову и принялся внимательно слушать. Краем глаза Эзра видел, как Макс вертит головой и примирительно всем улыбается, хотя на него вроде как никто и не смотрит. Лукас же сидел бледный и измученный. Эзра слышал, как он дробит песню на части. И все равно звучала она замечательно. Он так и светился от гордости. Когда перед припевом повисла долгая пауза, Лукас вздрогнул, но так ничего и не сказал, пока не прослушал композицию до конца. Потом встал, поправил наушники и потряс головой, вроде как одновременно и восхищенный, и оскорбленный этакой дерзостью от коллеги по цеху.

Какого хрена, Эзра?

Да брось, стараясь сохранить невозмутимый тон, отозвался он. Посмотри на Ндулу!

Тот двигал руками так, словно играл на воображаемой гитаре. Лукас обернулся, и тогда Ндулу выпрямился и потянулся за настоящим инструментом. Эзра уже понимал, что

выиграл, и потому старался говорить совершенно бесстрастно.

Тебе что, не понравилось?

Не в этом дело, рявкнул Лукас.

Что ж, сказал Макс, если это... наш хит...

Ты не имел права так поступать, кипятился Лукас. Мы все корпели над ней по пятьдесят-шестьдесят часов.

Они обсуждали эту тему несколько месяцев, заходили то с одного, то с другого бока. Стоило ей всплыть в очередной раз, как Ндулу принимался считать ворон, а Макс тут же с головой уходил в какое-нибудь занятие. Временами Макс звал Ндулу посмотреть в интернете новый усилитель, а тому в ответ срочно приспичивало показать ему ролик на Ютубе. Когда страсти долго не утихали, Макс обычно заявлял, что его вполне устраивает быть просто частью группы, что вносить свой вклад – уже классно. А Ндулу подхватывал – да ладно вам, парни, это ведь жизнь, наша жизнь. Если уловка срабатывала, Лукас и Эзра начинали злиться уже на Макса с Ндулу, и гроза стихала. Если же нет – парни просто испарялись, а Лукас и Эзра продолжали шипеть друг на друга.

Ндулу? – многозначительно произнес Лукас, словно напоминая о каком-то прежнем разговоре.

Эзра увидел, как тот покачал головой, и у него скрутило живот – их много, а он один. Он на секунду задержал дыхание, но тут Ндулу начал наигрывать басовую партию.

Круто, наконец выдал он. Сам знаешь, что круто.

А Макс захлопал в ладоши. Лучше бы он за Эзру не вступался.

Кто-нибудь хочет чаю? – спросил Макс. Или сквоша?
Мне нужно покурить, буркнул Лукас и вышел.

В тот вечер по дороге домой Эзра позвонил Айрис, чтобы выпустить пар. Ему срочно нужно было успокоиться, чтобы мать не догадалась, что с ним что-то не так.

А то снова начнет вытаскивать старые пластинки Леонарда Коэна и Дилана.

Мог бы попросить Лукаса о помощи. Сказать, что без него тебе не справиться, отозвалась Айрис. Эзра расхохотался, делая вид, что принял ее слова за шутку. Хотя она уже не первый раз советовала ему так поступить.

Не понимаю, что смешного в том, чтобы признаться, что Лукас тебе нужен. Ты сам мне это сто раз говорил.

Никогда я такого не говорил, фыркнул Эзра. И вообще извини, что побеспокоил.

Айрис вздохнула. Да я же не к тому. Потом с минуту помолчала и добавила, меняя тему, – знаешь забавный факт? Когда Кит Ричардс написал в своей биографии, что у Мика Джаггера «стручок мелкий», тот отказывался ехать в турне, пока Ричардс публично перед ним не извинится.

Эзра против воли смеется и вдруг понимает, что на душе у него и правда стало легче. Классно, отвечает он. Ты мне очень помогла. Спасибо.

Парни в микроавтобусе обсуждают, что бы они сделали, если бы попали в «Тачку на прокачку». Ндулу хочет «Шевроле Экспресс». Лукаса интересует экономия бензина. Макс вспоминает «мутированные автомобили» на фестивале «Burning Man». Сам он там никогда не бывал, но много читал в газетах.

Пуленепробиваемые окна, вставляет Ндулу, и лазертаг.

Кровати, встречает Лукас. Нам нужны кровати.

Потом все спорят о том, кому какая койка достанется.

Не стану я спать под Максом, вопит Ндулу. Чувак, от тебя воняет.

Эзра наблюдает, как он дурачится. Ему известно, что Ндулу сильно переживает за младшую сестру, но со стороны так никогда не подумаешь. Диагноза двенадцатилетней Райи Ндулу ему не называл, но Эзра погуглил и подозревает, что у нее лейкемия. Ндулу рассказывает ему о поездках в больницу так буднично, словно перечисляет успехи футбольной команды, за которую они оба болеют. Речь об этом он заводит, когда они вместе идут куда-то или едут в автобусе – в общем, в такие моменты, когда не нужно смотреть друг другу в глаза. Наверное, Ндулу говорит об этом именно с ним, а не с другими, из-за Джесс. Эзре было пять, когда она умерла. Джесс родилась недоношенной. Вся фиолетовая, она была похожа на личинку. Именно это он и сказал, когда впервые ее увидел. До сих пор помнит, какое у матери сделалось лицо. Однажды он признался в этом на исповеди, но священник за-

верил его, что это не грех. Большую часть жизни Джесс провела, подсоединенная к аппарату, который Эзра до сих пор мысленно называет механическим сердцем.

Эзра рассказал о ней Ндулу, когда тот впервые упомянул, что его сестра больна. И тут же испугался – получилось, он вроде как намекнул, что и Райя тоже умрет. Но Ндулу только кивнул.

Айрис он поведал о Джесс только накануне ее знакомства с его родителями.

И пояснил – раньше как-то к слову не пришлось.

Она с минуту молчала, а потом заметила – ты мне раньше о ней не рассказывал.

Эзру понравилось, что Айрис сказала «о ней», а не «об этом». Обычно люди относились к Джесс как к обрушившемуся на идеальную семью стихийному бедствию. Даже мама. Джесс для нее была чем-то вроде урагана.

Рассказав обо всем Айрис, он ощутил пустоту внутри. И тогда она сжала его руку и спросила – может, хочешь немного поработать?

Так они и поступили. Эзра уселся за компьютер, Айрис забралась с ногами на кровать. В следующие несколько часов вставали они только для того, чтобы принести воды или налить себе чаю. Пару раз Эзра вставлял Айрис в ухо наушник и наблюдал, как меняется от услышанного ее лицо – улыбается она или морщится. Когда спустились сумерки, он откатился на кресле от стола, встал, подошел к ней и опустил ла-

донь ей на поясицу. Айрис мгновенно выпрямилась и замерла.

Руки, приказал он. Айрис подняла руки, и он стащил с нее платье через голову. Она расстегнула ему рубашку. Еще какое-то время они работали вот так – полуголые, распаленные, неудовлетворенные, а потом комнату затопила темнота.

Позже, уже немного пьяный, Эзра спрятал сумку Айрис в сушилке, чтобы она не смогла от него уйти, даже если захочет.

Знаете, задумчиво бросает Макс, если мы не опаздываем, я бы не прочь проехать мимо Ангела Севера.

Все стонут. Эзра открывает в телефоне последний текст Айрис, который та ему прислала, и пытается с головой уйти в чтение. С недавних пор им непросто стало работать вместе. Каждый из них всегда относился к делу другого как к чему-то отдельному, третьему лицу в отношениях. Но в итоге то, чем они занимались, сливалось в некую общую «работу», а не в «работы». Однако теперь Эзре нравится то, что не нравится Айрис, и он старается об этом помалкивать, потому что ее равнодушная мина портит ему все удовольствие. В последний раз, когда он включил ей свое новое увлечение – композицию одной скандинавской электронной группы, в которой к звукам синтезатора примешивался звон сыплющихся в воду монеток, вид у Айрис стал испуганный.

Тебе не нравится? – спросил он.

Не в этом дело. Просто я не знаю, как такое обсуждать.

Эзра разглядывает фотографии с последней фотосессии. Все, что отсняли в первый раз, пришлось удалить.

Где твой маньячный шик? – сухо бросила Долли.

В первый раз с ними была Айрис, и позже Эзра понял, что именно в этом и заключалась проблема. Она настолько хорошо его знает, что при ней он просто не может прикидываться кем-то другим. В детстве он пел в церковном хоре, привык работать часами, не получая аплодисментов. Он вообще не родился звездой, и изображать ее перед Айрис у него никогда не получалось. Броские фразы просто не шли с языка. Он попробовал было рявкнуть: «Отпустите себя!» – и у Айрис тут же дрогнули губы. Всем сразу ясно стало, какой он на самом деле застенчивый, и они потом еще час над ним потешались.

Но на последней фотосессии Эзру выдали бейсболку, и дело неожиданно пошло. Хотя на его спутанных, словно давно не мытых вихрах она и смотрелась немного странно. В студии стояло три разнокалиберных куба, на фоне которых они и позировали. Долли велела Ндулу сесть на один из них, чтобы стоявший рядом Эзра казался выше. А Макса усадила за барабаны.

Это все потому, что у меня фигура, как у медведя Йоги, скорбно протянул Макс.

Ндулу первым так пошутил, и с тех пор Макс повторяет остроту на разные лады, пытаясь его переиграть.

Лукас расхохотался и подавился жвачкой. Ндулу треснул его по спине.

Ребята, одернула их Долли, давайте посерьезнее. Сама она в тот день была ненакрашенная, с собранными в тугий узел волосами. Лукас, сделай шаг вперед. Вот так. Отлично.

На фотографиях Эзра выглядит моложе, чем себя ощущает. Вид у него такой, словно ему на все наплевать. Ндулу длинный и тощий, но фотографу как-то удалось подчеркнуть мышцы у него на руках. Темно-рыжие волосы Лукаса кажутся ярче. А в глазах Эзры виднеются те самые золотые искорки, о которых столько говорила Айрис.

Кроме этих фотографий Эзра хранит в телефоне только одну – ту, где они с Айрис вместе. Это Лукас их сфоткал, когда они в последний раз ездили в Дувр. Неделей раньше у Макса умерла бабушка, и мать дала ему ключи от коттеджа при условии, что после они за собой уберут. На снимке Эзра и Айрис сидят на песке, пересеченном грязными полосами в тех местах, где прилив выволакивает на берег водоросли и коряги. Он козырьком приставил ладонь к глазам, раздраженный тем, что его снимают, хотя и ожидавший этого. Кудри развеваются на ветру и липнут ко лбу. А волосы Айрис отливают на солнце медью, густые, словно мех какого-то экзотического животного. Он морщится, она рассеянно улыбается. Лица у обоих напряженные, словно они сели так специально для фото, а через мгновение разбегутся.

До Дувра они добирались почти целый день. Машину вел

Лукас. Макс и Ндулу сидели сзади, а Эзра спал в проходе между сиденьями, перевалившись через колени Айрис. Она работала, примостив ноутбук у него на спине, и время от времени почесывала ему голову. Проснувшись, он не сразу узнал голос Лукаса. Тот негромко говорил, обернувшись с переднего сиденья.

Вся проблема в том, что я до сих пор живу дома. И они считают, что должны всем со мной делиться.

Хмм, отзывается Айрис. Наверное, лучше иметь отца, который чересчур любит женщин, чем такого, который вообще ими не интересуется.

Все это так банально, продолжает Лукас. Чем больше она ноет, тем чаще я думаю, черт, ты же сама вышла замуж за этого бабника. Знаешь, он мне как-то пожаловался, – Лукас, подумав, понижает голос, – что у них с мамой нет отношений – так и сказал, «отношений», – вот уже десять лет. Будто бы я должен пойти к ней и сказать: «Ма, па жалуется, что ты ему не даешь».

Айрис с минуту молчит. И пальцем рисует круги у Эзры на затылке. А потом наконец отвечает – мне кажется, станет легче, если представить, что оба родителя – сродни «Алка Зельтцеру». Не обязательно полностью впитывать все в себя. Нужно просто быть достаточно текучим, чтобы оно в тебе растворилось.

Эзра съеживается, ожидая, что Лукас презрительно фыркнет. Но, открыв глаза, обнаруживает, что в зеркале зад-

него вида отражается его задумчивая физиономия. Айрис смотрит в окно.

Они останавливаются на пляже, в полчаса езды от коттеджа. И, пока все выбираются из машины, Эзра шепчет Айрис – как тебе это удается?

Служить вам талисманом?

Нет, все куда серьезнее.

Ммм, отзывается она, пиная ногой камешек. Да я пять часов, считай, рта не раскрывала.

Правда? – удивляется он.

Они поднимаются на пологий холм и смотрят на море с вершины. Синее и темно-серое, оно похоже на лист стали, по которому к ним бегут белые барашки.

Когда они возвращаются, Макс, обняв свою виолончель, сидит на большом камне у самой воды. Его бирюзовая рубашка поло странно смотрится на фоне лишайника.

Кто ходит на пляж с виолончелью? – кривится Эзра. Лукас что-то бормочет себе под нос.

И Айрис, покосившись на них, бросает – не доставай его, а? Он хотел сыграть на похоронах бабушки, но дед запретил ему приводить с собой Харуто, поэтому он и не поехал.

Откуда ты знаешь? – изумляется Эзра. Потом поворачивается к Лукасу. – Ты тоже в курсе?

Тот кивает и нагибается подобрать камешек. А потом начинает пускать «блинчики» по воде. Айрис дрожит – стано-

вится промозгло, – но все равно стоит на месте и гремит зажатой в кулаке галькой.

Эзра чувствует себя идиотом. Тогда зачем он продолжает репетировать? – тупо бурчит он.

Айрис бросает первый камешек, и он плюхается в воду у самого берега.

Может, надеется, что дед передумает, отвечает она.

Лукас и Ндулу отправляются на поиски раковин каури. Мать Лукаса их коллекционирует. Такие аккуратные раковинки, похожие на молочные зубки.

Раньше, говорит Эзра, ими расплачивались, как монетами. А еще использовали вместо игральные костей.

Такой подойдет? – спрашивает Айрис, подбирая камешек и показывая его Лукасу. А такой?

Проходит около получаса, и Эзре становится скучно. Пора ехать, говорит он. Пойду позову Макса.

Не надо, отзывается Лукас. Куда торопиться? Мы почти на месте. Потом замечает, что Эзре неймется, и вздыхает. Ладно, я поведу.

Достав из кармана пакетик, он вытряхивает из него четыре розовые капсулы. Эзра с жадностью хватает одну. Ндулу проглатывает свою, третью передает Айрис, а четвертую несет все еще сидящему на камне Макс. Тот, не прекращая играть, открывает рот. Музыка парит над водой. Эзре стыдно, что он единственный ни о чем не знал. Ему даже хочется пойти присесть у ног Макса. Тот снова и снова проигрывает

от начала до конца одну и ту же сюиту Баха для виолончели. Ндулу вкладывает капсулу ему в рот, а затем аккуратно подносит к губам бутылку с водой.

Айрис отходит дальше по пляжу и присаживается почитать возле лужицы грязной воды, а через полчаса уже смотрит на нее замороженно и называет каменной заводью. В лужице темнеет скользкий лишайник, колышутся водоросли и плавает обломок серфа, который Айрис называет желтой штукой. Вскоре она бережно выуживает его и прижимает к груди. Эзра опускается на корточки рядом с ней. Она показывает ему якобы обитающих в луже морских коньков и звезд, а он кивает. Макс по-прежнему не слезает с камня, вид у него величественный, словно звукам его виолончели подчиняется сам океан. Ндулу пытается подружиться с черным, явно бездомным, лабрадором, который лает то на него, то на волны – по очереди.

Айрис хохочет, не переставая, из носа ее что-то брызжет и стекает в рот. Эзра протягивает ей платок. Потом понимает, что Лукас, ничем не занятый, сидит на камнях, и объявляет, что вернется через минуту. Идти к нему почему-то тяжело, будто бы он перемещается из одного мира в другой. Эзра смущенно застывает рядом с Лукасом, и они вместе смотрят на Айрис, которая, похоже, решила заняться пересадкой водорослей.

О чем вы с ней вообще разговариваете? – спрашивает Лукас.

Такого вопроса Эзра не ожидал. Но сейчас он ощущает себя таким отважным, таким цельным, что отвечать на него не страшно. По большей части объясняем друг другу, как устроен мир. Иногда кажется, что вдвоем нам удастся вывести что-то, максимально близкое к объективной реальности. Знаешь, это как идти по компасу.

Он вдруг понимает, что вслух ничего из этого не произнес, и Лукас по-прежнему смотрит на него выжидательно. Ндулу уже переместился к каменной заводи, тычет чем-то в воду. Эзра вдруг срывается с места, мчит по камням и, поравнявшись с лужей, с размаху наступает в нее, окатив Айрис водой.

Зачем? – вопит она.

Ндулу хохочет, пока из глаз не начинают литься слезы. Тогда он вытирает лицо, снова садится на камень, наблюдает, как Эзра осторожно счищает водоросли с ботинка.

И заявляет – всегда говорил, что он бессердечный маньяк.

Айрис разглядывает разрушенную каменную заводу и качает головой. Потом прячет желтую штуку в карман и сердито смотрит на Эзру, который стоит у кромки воды.

Всякий раз, как он выкидывает нечто подобное, совершенно на него не похожее, у меня это просто в голове не укладывается, ворчит она. Я отказываюсь в это верить и все. И в итоге получается, будто ничего и не было.

Ндулу хихикает и брызгает на нее водой.

Остынь, цыпа, говорит он. Это ж всего-навсего грязная

лужица. Ты просто под кайфом.

Айрис пожимает плечами, рывком встает и идет к Эзре, ступая босыми ступнями по холодным камням.

Заметив ее, тот наклоняется подобрать гальку. Он чувствует себя идиотом, не понимает, что на него нашло.

Впервые они вместе словили глюки три года назад, тоже в Дувре. Эзра считает, что в тот день они и начали встречаться, хотя Айрис утверждает, будто к тому моменту они уже давно были вместе. Она тогда впервые оказалась на пляже в Англии. И удолбалась тоже впервые. А потом застряла посреди вырубленной в скале лестницы, никак не могла спуститься вниз. Эзра сидел у воды и строил башенки из гальки. А потом обернулся и сразу сообразил – Айрис забыла, как ходить, с ним под кайфом тоже такое случалось. Никогда еще он не видел, чтобы человек, стремящийся казаться незаметным, привлекал столько внимания. Отчасти дело было в высоком росте Айрис, отчасти в том, что в тот день она очень уж неудачно оделась. Ветер все время задирает ей юбку, а она только смеялась и ничего не могла с этим поделать. Эзра шагнул на нижнюю ступеньку, и Айрис уставилась на него, округлив глаза.

Посмотри вокруг, сказала она.

Он огляделся и вдруг очень остро осознал, как это странно – быть восемнадцатилетним и ловить глюки на зимнем пляже. Потом взял Айрис за руки и помог ей спуститься с лестницы.

Глядя, как Айрис идет к нему по пляжу, Эзра понимает, что скучает по тому дню. Он чуть ли не час уговаривал ее спуститься. Вечером Айрис сидит на полу между его раздвинутых ног. Он делает вид, что смотрит футбол, а сам пытается расчесать ее свалявшиеся, просоленные волосы. Макс и Лукас препираются из-за какой-то фразы комментатора. Айрис читает новый текст песни Эзры, вычеркивает анахронизмы, спрашивает, в какой тональности он собирается это петь и обязательно ли нужно использовать именно это прилагательное. Эзра выходит из себя и отрезает ножом узелок, который не смог распутать. Потом отдает ей клочок волос, и она разъяряется.

Шипит – так я и сама бы могла.

В постель они отправляются сразу после ужина. Им уже не раз доводилось тут ночевать, но Эзра всякий раз забывает, какая комната маленькая. На пороге он спотыкается, и Айрис подхватывает его, не давая упасть. Он целует ее, думая, что рот у нее очень живой. Может, он до сих пор под кайфом? Но нет, потолок вроде бы не мерцает. Шея, руки и груди у нее соленые на вкус. Эзра кусает ее за живот. А потом смотрит, как она посасывает его пальцы, и кровь бросается ему в голову. Внизу кто-то из ребят включает Alt-J и делает звук погромче. И Эзра радуется, что им дали вот так отгородиться от всех.

Он взбивает подушки, и она ничком падает на них.

В первую неделю октября деревья за одну ночь сбрасывают листья. Меня мучает чувство вины. Я опять не пошла на занятия к Кеннеди. А ведь могла бы и пойти. В какой-то момент казалось, что мне это вполне по силам. Сидела бы себе в аудитории и слушала, как Кеннеди объясняет, почему метапроза – это ловкое шарлатанство. Правда, я все равно ничего бы не поняла, зато потом еще двое суток отлеживалась бы на полу.

Звоню Тесс. Она хочет достать футболки с надписями «ГРАЖДАНИН ИЗ НИОТКУДА» и «ЛИБЕРАЛЬНАЯ СТОЛИЧНАЯ ЭЛИТА».

Я такое не ношу.

Как будто я тебя заставляю! Смотрела интервью с вашим будущим президентом?

Он не победит.

Ты спрашивала отца, за кого он будет голосовать?

Я не разговаривала с ним уже три недели. С тех пор как он записал меня к врачу.

Что с тобой на этот раз?

Рассказываю ей сокращенную версию. Тесс считает, что психотерапевты нужны только безвольным нарциссам, которые ищут, кого бы назначить виноватым во всех своих бедах.

Положим, лицо у тебя неметь перестанет, говорит Тесс. А

что начнет? Рука?

В детстве я почти не говорила. Просто мне как-то нечего было сказать. Мать заполняла собой весь мир, а я в нем плавала. Потом в школе заявили, что у меня задержка в развитии и меня нужно показать специалисту. Тесс была в ярости. «Кто выдал этим идиотам права?» – орала она в машине. А стоя в пробке, накатала сообщение секретарю директора. По словам специалиста, написала она, школьная программа оказалась для моей дочери настолько примитивна, что она онемела от скуки, позже я пришлю вам счет за консультацию. Однако в кабинете врача ее настроение изменилось. Напряженно хмурясь, она внимательно изучала разложенные повсюду брошюры с описанием различных неврологических заболеваний. На все вопросы доктора я ответила с легкостью, и Тесс, просияв, обернулась к нему.

Моей дочери просто нужно, чтобы ее слушали.

После встречи с врачом меня было уже не заткнуть. Тесс внимательно слушала мою болтовню, время от времени вставляя насмешливые замечания.

Читаю в интернете, какие болезни могут вызвать подобные симптомы. Аневризма. Болезнь Шарко-Мари-Тута. Диабет. Болезнь Лайма. Минут сорок осматриваю себя на предмет клещей, тщательно ощупываю припухлость за ухом. Потом мне попадает статья о женщине, которая обратилась к врачу с острой болью. Ей сказали, что это всего лишь месячные. А через несколько дней ее на «Скорой» увезли в боль-

ницу, разрезали и обнаружили в кишечнике опухоль размером с полторакилограммового клеща.

Рэй говорит, ходить к психотерапевту совершенно не стыдно. Мы с Линдси уже много лет его посещаем.

Когда я рассказала о направлении Лизе, она ответила – дай знать, если удастся занычить немного аддералла. А у Эзры глаза так и загорелись.

* * *

Было бы мне легче, если бы я сейчас была в Лондоне, а он – в Барселоне?

Я часто задаю себе такие вопросы. Как-то раз Эзра уже уезжал в Барселону, и эта разлука оказалась для нас одной из самых счастливых. «Ленивые клинки» колесили по стране и ходили на концерты местных групп. Он присылал мне открытки с Санта-Мария-дель-Мар, извилистыми тропками парка Гуэль и раскаленной голубой мозаикой.

Когда мы разговариваем, я задергиваю шторы, выключаю верхний свет, ставлю лампу за экран ноутбука. И представляю себе, что Эзра по-прежнему в Барселоне.

Слегка сдвигаю компьютер, чтобы он не заметил высящейся у меня за спиной башни из грязных тарелок. Я решила, что мыть посуду сразу большими партиями будет удобнее.

Рассказываю ему, как Саша на семинаре кричала на Фин-

на. Он отказывается читать то, что она задает. Говорит, *не хочет загрязнять свой натуральный голос чужими*. Мне такого не понять. Как только я слышу голос, похожий на свой, мне сразу хочется в него обернуться.

Эзра что-то мудрит в GarageBand. Мне слышно, как он щелкает клавишами.

Если он перестанет садиться за работу каждый раз, когда я ему звоню, он так никогда ничего и не сделает. К тому же, добавляет он, мы ведь ничего важного не обсуждаем. Мою жизнь структурировала учеба, и теперь он маниакально пытается защитить свою. А я стараюсь убедить его, что я ему не враг.

В три ночи я случайно обливаю ноутбук диетической колой и звоню Эзре. Он ждет диджея, но, услышав, что я задыхаюсь, выходит из зала. А потом советует мне высыпать на стол пачку риса и поставить ноутбук на него, чтобы тот впитал влагу.

На следующий день я опять звоню ровно в тот момент, когда Эзра садится работать. Он поругался с Лукасом.

Говорит – не понимаю, в чем проблема. Он хотел довести трек до ума – я довел. Сделал то, что должен был.

Мы болтаем, и Эзра спрашивает, не могу ли я попросить у доктора валиума. Может, с ним его бы не так сильно укачивало в микроавтобусе.

У него снова бывают приступы сонного паралича. Когда он рассказывает об этом, у меня сердце кровью обливается.

Мы оба знаем, что это предвестник нервного срыва.

* * *

В пятницу я сажусь в автобус и еду на другой конец города к доктору Лидерман. Она принимает недалеко от «Уолдорф-Астория».

В приемной ярко горят люминесцентные лампы. На столе – старые выпуски «Опра Мэгэзин».

От света у меня начинает болеть голова, и я ухожу в туалет. За зеркалом спрятана упаковка зубной нити, а ее окровавленные обрывки валяются в мусорной корзине.

Не доверяю людям, которые пользуются зубной нитью на работе. Как правило, они евангелисты.

Когда я выхожу из туалета, дверь в кабинет доктора Лидерман уже открыта. На ней черная юбка и бледно-голубая блузка. Мне почему-то представляется, что у нее вся одежда пастельных тонов. Должно быть, она из тех женщин, кто сначала говорит, ой, нет-нет, мне такое нельзя, а потом заказывает десерт. Кабинет похож на комнатку из кукольного дома. Оглядываю стены, но картин на них нет, только дипломы с красными восковыми печатями. Есть еще книжная полка с пустым аквариумом и черный кожаный диван, на котором я сижу.

Нас с доктором Лидерман разделяет стол, на котором, в рамке, стоит открытка с надписью:

ЖИЗНЬ ВСЕГДА ДАЕТ ВТОРОЙ ШАНС.
ОН НАЗЫВАЕТСЯ «ЗАВТРА».

Итак, Айрис, начинает Лидерман. Почему ты здесь?

Я нервно приглаживаю волосы. Чувствую себя так, будто явилась на собеседование по работе. Когда уже можно будет попросить рецепт на аддералл? Или на бензодиазепины?

Мне вас очень рекомендовали, отвечаю я.

Вы переехали в Нью-Йорк два месяца назад?

Да.

Встречаетесь с кем-нибудь?

Мой парень сейчас на гастролях.

Ее мобильник вибрирует, она хмурится и набирает сообщение. То есть он расстался с вами, чтобы отправиться в тур?

Это его работа.

Женщины любят музыкантов, замечает она.

В кабинете тепло. Оглядевшись по сторонам, я понимаю, что в комнате нет окон. Читаю названия стоящих на полке книг: «Отставь рюмку и найди себе парня», «Созависимость-шмозависимость».

Лидерман спрашивает, что я рассчитываю получить от наших сеансов.

Они входят в медицинскую страховку отца. Он пытается меня починить, невесело сообщаю я.

Она улыбается, записывает что-то и интересуется, как мне Нью-Йорк. Я отвечаю пространнее, чем собиралась, а доктор

Лидерман, слушая меня, морщится, как будто я напоминаю ей что-то неприятное.

Господи, все бы отдала, чтобы мне снова стало двадцать один, наконец произносит она.

Потом спрашивает, пью ли я какие-нибудь лекарства. Я отвечаю, что в подростковом возрасте принимала СИОЗС, но всего лишь пару недель.

У меня *физиологическая* проблема, добавляю я. Похоже, что-то не так с кровообращением. Знаете, колет, как будто ногу отсидела, только больнее и в разных местах. Словно организм хочет меня о чем-то предупредить.

Лидерман вскользь упоминает, что антидепрессанты могут помочь и с неврологией.

Они мне не нужны. У меня прекрасная жизнь. Я хорошо себя чувствую, если нормально сплю и не забываю заниматься спортом.

Лидерман так искренне кивает, как будто я только что сообщила ей нечто важное. Так вы занимаетесь спортом?

Я каждый день бегаю.

Боже, это так тяжело, отзывается она. Вы молодец.

Я так часто терялась во время пробежек, что в конце концов решила ограничиться единственным маршрутом – в виде буквы L. Манхэттен прямо как «Тетрис». Я бегу прямо и направо, прямо и направо, потом в обратную сторону и налево.

А спите вы достаточно?

Не совсем.

И чем вы занимаетесь, когда не можете уснуть?

Смотрю Нетфликс. Работаю. Иногда выпиваю.

Лидерман кивает, вписывает что-то в блокнот и подчеркивает жирной линией.

* * *

Наушники я забыла, а на улице очень шумно. Ко мне вечно липнут всякие чудики. Вот сейчас, например, по тротуару, шаркая фланелевыми тапочками, идет пожилая женщина. Перед собой она толкает тележку из магазина. Сквозь прутья торчат вертушки, их лопасти – серебристые, фиолетовые, розовые, золотые – вращаются, рассекая воздух. Прямо не знаю, что делать, если она со мной заговорит, а губы у нее уже шевелятся. «Ты! – произносит она. – Ты!»

Мои часы до сих пор выставлены по лондонскому времени. Сейчас полдень. Эзра, наверное, в студии. А Нэнси в библиотеке, но я все равно ей звоню. Нэнси ни разу не удавалось найти хорошего психотерапевта, и мне от этого не по себе, ведь ей специалист нужен куда больше, чем мне.

Лидерман спросила, завораживает ли меня дребезжание кубиков льда в бокале, делюсь я.

А если в бокале тоник, все равно считается?

Нэнси ни за что не станет пить джин с тоником, если в стакане нет льда и лимона. В свое время мы из-за этого ушли

из сотни пабов. И постоянно ругались, потому что она кричала, что с ее стипендией в более дорогие места не сунешься. Как-то я стащила со стола листовку с призывами к брекзиту и сунула ее ей в сумку.

В следующий раз спрошу, обещаю я.

Когда Нэнси не хочется признаваться в том, о чем они с Пирсом болтают, она просто пересылает мне их переписку. Поначалу я еще пыталась просматривать ссылки, которые он ей кидает, и книги, которые рекомендует прочесть, но потом сдалась – их слишком много.

Пирс утверждает, что в их разговорах Роберта Браунинга и Элизабет Баррет-Браунинг куда меньше, чем Вольтера и Дидро.

А Нэнси говорит, что ничего больше мне не пришлет, пока я не перестану называть Пирса Доктор Любовь.

Какая потеря, фыркаю я.

Мы болтаем по Скайпу. Я пытаюсь отскрести шпирочку с одной из фарфоровых тарелочек Линдси. У меня несколько дней руки не доходили ее помыть, и теперь на тарелке застыл какой-то блестящий смерч. Нэнси приподнимает ноутбук и с гордостью демонстрирует приклепленные к стене четыре вырезки из «Гардиан», посвященные «Ленивым Клинкам». Подоконник в ее комнате завален книгами. По состоянию спальни Нэнси всегда можно с легкостью определить, как движется ее работа. Если все стоит по местам, значит, она ни строчки из себя не смогла выдавить.

Так хотелось доказать всем, какой Доктор Почтальон придиурок, рассказывает Нэнси, что я даже в библиотеку пота-

щилась. Вот и с Торо то же самое было. В некрологе Эмерсона говорится, что он чувствовал себя на месте только в оппозиции.

Я смахиваю со стола полученный на творческом семинаре отзыв. В моем тексте была фраза: «Если верить Тациту, германские племена считали, что молитвы, произнесенные в соляных шахтах, быстрее и точнее доходят до богов». А Финн приписал под ней: «А мне-то что с того?»

Пересказываю Нэнси, как Лиза заявила, что цитаты из рассказов Финна нужно печатать в рекламных проспектах премии за Худшую Сексуальную Сцену в литературе. Потому что он нисколько не интересуется внутренним миром женщин.

Неправда, я постоянно бываю у них внутри, ухмыльнулся он в ответ.

Лучше купи себе резиновую куклу, прошипела Лиза.

Здесь все мужские разговоры о сексе сводятся к сиськам и задницам. Мне так даже спокойнее, у меня-то ни того, ни другого нет.

Однако Нэнси мое последнее замечание возмущает. Феминизм – это коллективное...

Лихорадочно пытаюсь придумать, чем бы сбить ее с темы. Будь Пирс ирландцем, ты бы на него даже не взглянула.

Что это ты такое несешь? – тут же вскидывается Нэнси.

Всех ирландцев, которые мне нравились, ты обзывала обсосами.

Потому что именно такими они и были, не я в этом виновата.

Нэнси начинает перечислять парней, на которых я западала с тех пор, как мы с ней познакомились. А я не говорю ей, что, в отличие от нее, повидала много таких, как Пирс.

* * *

Эзра вернулся из концертного тура по окрестным промышленным городам еще в воскресенье вечером. А звонит мне только в среду. Зато присылает плейлист:

Леонард Коэн «Сюзанна»

Боб Дилан «Не парься, все хорошо»

Джонни Кэш «Не перехожу черту»

Гнарлс Баркли «Кто спасет мою душу?»

Ник Дрейк «Время покажет»

The Smiths «Свет, который никогда не гаснет»

Еще он кидает мне ссылку на блог. Текст в разделе «История группы» изменился. Теперь там сказано, что музыканты выросли в Бирмингеме. А Эзра, проснувшись однажды утром, понял, что все тексты песен уже живут у него в голове.

В Скайп я говорю ему, что предпочла бы не общаться с помощью пресс-релизов.

Ты всегда ужасно злая после разговоров с Нэнси, замечает он.

Ну и кто в этом виноват?

Я целый час пролежала на полу, и, если присмотреться, даже с экрана видно, что на щеке у меня отпечатался узор ковра. Но Эзра ничего не замечает. Он разбирает педаль от ударной установки. Когда мы в последний раз болтали, он ее собирал. Я знаю, куда нужно ввинтить болт А, а куда болт В. Эзра все делает неправильно, я уже давно поняла, что он запутался. Но, пожалуй, сообщу ему об этом попозже. Он морщится, пытаюсь совладать с отверткой, но она все время выскальзывает у него из пальцев.

Когда U2 возвращались с гастролей, они всегда на несколько дней останавливались в отеле. Чтобы акклиматизироваться к обычной жизни.

Как космонавты.

Точно, отзывается он.

Позже я пишу Нэнси в Вотсапе: «Похоже, Эзра считает, что наша разлука идет на пользу его работе». Потом стираю сообщение и пытаюсь переформулировать его так, чтобы звучало более невозмутимо. Убираю восклицательные знаки, ставлю запятые и точки.

Он ясно дал понять, добавляю я, что сейчас у него времени больше.

Нэнси отвечает только на следующее утро:

21:37 Хочешь, я ему позвоню? Может, в качестве покаяния подарок мне принесет. Когда мы с ним в последний раз разговаривали, он сказал, что я для

него – нечто вроде исповедальни. Тогда я посмеялась. А теперь поняла, что всякий раз, как ему нужно оправдаться, он вытаскивает свой католицизм, как козырь из рукава.

В исповедальнях же дают отпущение грехов.

21:39: P.S. Посмотри завтра дебаты по телевизору. Хоть что-то поймешь про свой новый дом.

Мне целых два дня не удается заставить себя встать с кровати. Я не раздергиваю шторы, не выключаю кондиционер и натягиваю одеяло до самых ушей. У меня теперь новая политика: сдерживание. Салфетки и туалетная бумага закончились, и нос я вытираю пододеяльником. Временами меня накрывают приступы рыданий. Если закрыть глаза, кажется, что я источаю слезы. Когда ноутбук впадает в спящий режим, я нажимаю на «пробел». По крайней мере с Нетфликсом я – Бог: никаких чрезвычайных новостей. Прекращаю плакать, чтобы посмотреть серию «Друзей». А когда за ней автоматически начинается следующий эпизод, мне хочется расцеловать ребят из Нетфликса за то, что избавили меня от этих ужасных шести секунд. Сколько я смогу не выходить из комнаты, если на экране постоянно будет идти сериал?

Конрад приглашает меня пообедать с ним и его подружкой. Я не знаю, как объяснить, что не могу заставить себя выйти из квартиры, поэтому соглашаюсь, а в назначенное время просто не прихожу. Посылаю сводки о своем здоровье друзьям с родины, и они откликаются чересчур быстро.

Эзра говорит, ты просто впала в спячку. К тому же в другое время ты живешь очень насыщенной жизнью, так что баланс соблюден. Я отвечаю, что чувствую себя бактерией. Очень одинокой бактерией. И присылаю фото бактерии в

чашке Петри.

06:00 Касательно твоего бактериального самоощущения: вся проблема в терминологии. На самом деле это вполне логичная часть инстинкта самосохранения, известная как импульс неподвижного существования морского анемона. Все мы подсознательно помним его еще с тех времен, когда, подобно морским анемонам, катались по дну морскому, впитывая в себя все, что под щупальца подвернется. В общем, не парься.

Когда на меня дома такое находило, Эзра читал мне вслух или садился рядом и работал, надев наушники. Мы научились просто пережить подобные приступы, как шторм. Задраивать люки. Эзра всегда чувствовал, как остро нужен мне рядом, ложился в постель, обнимал меня, а ноутбук ставил себе на грудь. А потом мы смотрели старые детские передачи на Ютьюб: «Волшебное приключение» или «В мире трав». Он был Зибида, а я – Флоренс. Он – констебль Бурьян, а я – Укропчик.

Звоню ему в два часа дня. Он спрашивает, ходила ли я бегать. Объясняю, что все улицы завалило листвой, а на ней легко поскользнуться. Тогда он спрашивает, хорошо ли я питаюсь.

Ты в курсе, что только в тридцати одном штате США приговоренные к смертной казни заключенные могут попросить последний ужин? Я пересмотрела кучу фоток со столовски-

ми подносами, заставленными жареной курицей и стаканами с вишневым лимонадом. А один приговоренный к повешению за убийство попросил дать ему оливку с косточкой.

Эзра в последнее время много читает про осознанность. Говорит, это не менее эффективно, чем антидепрессанты.

Никак не могу сделать так, чтобы Скайп показывал его вертикально. Как ни поверну телефон, все равно почему-то его лицо оказывается на боку.

Он листает «Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам» и зачитывает свои потенциальные диагнозы.

Хорошая новость в том, что случай у меня довольно простой. Умеренная социофобия, ситуативная тревожность, вызванная алкоголем сексуальная дисфункция. Хватит ржать, все очень серьезно! О'кей? Вот, теперь хорошо. Итак: никотиновый абстинентный синдром, потенциальный алкоголизм?

Я прячу за экран ноутбука стакан текилы с содовой.

Что общего у меня с летучей мышью? – спрашивает он.

Крылья?

Мы – локаторы, слышим абсолютно все, даже находясь за тысячи километров.

Эзра продолжает листать справочник. Назло ему осушаю стакан в два глотка. Катаю во рту кубик льда, стуча по нему зубами, и щиплю себя за щеку. Он так ради меня старается!

Кокаиновый абстинентный синдром, слава богу, не пер-

манентный. Нет, ты послушай! Расстройство сна, спровоцированное кофеином. Биполярное расстройство... Ладно, к нему мы еще вернемся. Большое депрессивное расстройство – оказывается, для постановки диагноза хватает одного эпизода. Прекрасно, и его посчитаем! Паническая атака без признаков агорафобии. Оо, диссоциативная амнезия. Звучит захватывающе! Повиси минутку.

Он пересылает мне описание болезни:

Пациенты, страдающие таким расстройством, могут внезапно, но целенаправленно, уехать из дома в незнакомое место, после чего полностью забыть информацию о себе, вплоть до имени. И присвоить себе новую идентичность.

Эзра изучает мое лицо. Прикрывает сначала один глаз, потом другой – на вид все в порядке. Как я и говорил, в моем случае мы не станем останавливаться на нарциссическом расстройстве личности, эксгибиционизме, фетишизме, сексуальном садизме и пиромании, которые, как выяснилось, тоже считаются болезнями. Он захлопывает книгу. Я все это к тому, что проблема кроется исключительно в терминах. Даже если ты и находишь у себя какие-то симптомы, диагноз – это просто новый способ именовать то, что с тобой уже очень давно. Он отводит глаза, как всегда делает в те моменты, когда мне хочется, чтобы он смотрел мне в лицо. И это не значит, что я вижу тебя вот такой. Это вообще не определяет тебя, как личность.

* * *

Мы с Нэнси составляем списки вещей, которые купим себе, когда разбогатеем. Она нашла в интернете дневники расходов каких-то женщин и с увлечением их изучает. Я кидаю ей ссылки на платья от Валентино и расшитые стразами купальники. А себе выбираю ожерелье с подвесками от Тиффани, которое можно надеть только к платью с открытой спиной. Еще отправляю ей ссылку на свадебные платья от Веры Вонг. А когда она начинает ругать патриархальные традиции, возражаю – мы же можем просто так их носить.

Еще нам обеим просто необходимы холодильники для шампанского. Свой я заполню канапешками. А она в свой напихает кучу бутылок «Вдовы Клико». Самых больших!

* * *

Эзра экспериментирует с осознанными сновидениями. Надеется, что это поможет ему избавиться от сонного паралича.

Эзра, 19:46: Это просто нелепо. Я нашел в интернете инструкцию и сделал все в точности, как там было сказано.

Айрис, 19:46: ... печатает...

Эзра, 19:47: Каждое утро с этого начинаю.

Айрис, 19:47: ... печатает...

Эзра, 19:48: И все равно мне снится какая-то ерунда, не имеющая ко мне никакого отношения.

Айрис, 19:52: И что, по-твоему, эти сны значат? То же, что и линия жизни, обрывающаяся посреди ладони?

Эзра, 20:20: Линия жизни ничего не значит.

Айрис, 20:20: А мне кажется, что сны про тупики должны толковаться так же, как и короткая линия жизни.

Эзра, 20:30: Ничего общего. Гадание по руке – это шарлатанство. А ведение дневника сновидений – это попытка увязать бессознательное с сознательным.

Айрис, 20:32: По-моему, осознанные сновидения – это что-то типа таро.

Айрис, 21:14: Может, объяснишь мне, в чем разница?

Мы еще некоторое время болтаем. Когда я слышу голос Эзры, мне начинает казаться, что я не так уж далеко забралась. Но после в квартире становится еще тише. Через несколько часов он присылает мне сообщение. Я как раз считаю, сколько времени мне останется на сон, если уснуть прямо сейчас.

23:37: Я поставил себе диагноз. Умеренная социофобия с признаками выборочной амнезии и негативными проекциями (часто уходящими корнями в собственные врожденные эгоистические желания) на людей, заставляющих меня чувствовать себя незащищенным.

Интересно, от этого есть лекарство? Может, дзопиклон? Или дзен?

В «Голове Льва» меня никто не дергает, и можно спокойно читать форумы на «Брейтбарте»¹⁴. Я несколько часов их изучаю, и в итоге у меня начинает звенеть в ушах. Пытаюсь посмотреть второй выпуск дебатов. Трамп, кажется, вот-вот на нее набросится. Без звука все это выглядит еще страшнее. Когда слушаешь, что он говорит, по крайней мере не так заметно, как он кружит по студии и испепеляет ее глазами. Кажется, что от него прямо разит насилием, вон как яростно он вцепляется руками в кафедру. Говорю Сэму, что мне больно смотреть, как Хиллари старается удерживать дистанцию.

Жаль, что нельзя проиграть пробную версию той реальности, что нас ждет, если он победит, добавляю я.

В принципе, у нас политика – это такое развлечение. Процесс миграции движущих сил. Ну, знаешь, как в «Фонде Помощи Дикой Природе». А у вас как? Не пойми меня неправильно, мне воображаемая монархия импонирует не больше, чем другим...

Потом он присылает мне ссылку на ролик с Ютьюба. Там видео дебатов смонтировано со зловещей мелодией Дэнни Эльфмана. Получается, как будто смотришь сцену из фильма ужасов. Я впервые замечаю, какая в этой музыке таится угроза.

¹⁴ Breitbart.com – американский ультраправый веб-сайт, публикующий новости, мнения и комментарии.

В университетских коридорах спорят о том, кто финансирует наводнившие Нетфликс документальные фильмы о политике. В Твиттере все постоянно обмениваются ссылками на актуальные статьи. Лиза перестала смотреть новости, говорит, в трудные времена нужно не забывать заботиться о себе. Финн фыркает: лично у меня «забота о себе» ассоциируется с мастурбацией. Парня из фильма «Магистр изящных искусств» все теперь называют не иначе, как «республиканец из Венесуэлы». Все снова и снова повторяют одно и то же. «Ухвати ее за киску» ему с рук не сойдет. Он же не сможет на самом деле построить стену. Вот что случается, если не обращать внимание на значительную часть населения. Если я пытаюсь принять участие в разговоре, кто-нибудь непременно замечает – ой, да брось, как будто ваш Найджел Фараж лучше. И я не знаю, что на это ответить.

Улицы пахнут мусором и арахисовым маслом. Будь рядом Эзра, он бы сейчас набросил мне на плечи свою куртку. Пальцы ломит от холода, но я все же набираю ему сообщение.

21:58: Чем больше я читаю, тем меньше понимаю. Честно стараюсь вникнуть, но мозг сначала начинает дрожать, а потом взрывается. Как будто в голове происходит короткое замыкание.

И как только людям удастся иметь такое твердое мнение по любому вопросу?

Голосовое сообщение.

Я недоверчиво таращусь в экран. В Лондоне сейчас пять утра, а Эзра ненавидит голосовые сообщения. Я как-то пыталась уговорить его спеть мне, но он утверждал, что это будет как-то неестественно. «Подумай о шумовом загрязнении окружающей среды!» Мы оба знаем, в чем на самом деле дело. Стоит мне услышать его голос – и никакого расстояния между нами не останется. В переписке он всегда может сказать после, что «не то имел в виду». Наконец на экране появляется постепенно окрашивающийся зеленым отрезок, и мое сердце сжимается.

Я знаю, о чем ты думаешь. Так вот, не обольщайся. Я по-прежнему ненавижу голосовые сообщения. К тому же мы уже почти забыли память моего телефона. В общем, я не изменил мнения, но сейчас особый случай, потому что без определенной интонации мою мысль не донесешь. И вообще, ты пользуешься моей усталостью. Была бы рядом, хоть кофе мне приготовила бы. Я скучаю по тебе. Ну вот, я это сказал. Ладно, к делу. Если люди что-то уверенно утверждают, это вовсе не значит. не обязательно значит, что они понимают, о чем говорят. Трамп. Нет, пожалуй, сейчас слишком рано, чтобы говорить о Трампе. В общем, я пытаюсь сказать, что если ребята с твоего семинара снова начнут важничать, вспомни вот что: большую часть жизни все мы просто ищем повод фыркнуть: «Какой абсурд!»

Пишу Нэнси в сообщении, какой Эзра придумал каламбур про дзен и дзопиклон. А она замечает, что в слове «зо-

пиклон» нет буквы Д.

Нэнси, 22:30: Выходит, он вовсе не такой умный, как думает.

Айрис, 22:32: Английская пословица: не давай совета и соли, пока тебя не попросят.

Мне ужасно не хватает моих книг. Покупаю потрепанный томик любовной лирики Пабло Неруды. Но «Оды соли», которая мне нужна, там нет. «Ты неверишь мне, я знаю, но соль поет, но соль поет».

На дискотеку по случаю Хэллоуина я собираюсь, как на бал. Мы с Эзрой долго обсуждаем варианты костюмов.

Можно нарядиться Грейс Келли из «Окно во двор». Или Кэрри Брэдшоу конца девяностых.

У этих героинь нет ничего общего. К тому же ни одна из них не индианка, возражает Эзра. А, может, М.І.А.?

Она со Шри-Ланки, но пойдет.

Я как раз собираюсь выходить, когда Нэнси звонит мне по Скайпу. Она намотала себе на кофту елочную гирлянду, а еще одну накрутила на голову, как корону. Эй, веселого Дивали!¹⁵

На прошлый Дивали Эзра подарил мне Камасутру. Мне это не слишком понравилось. Мы договорились вместе поработать, но он вдруг, ничего не сказав, ушел из библиотеки. Я весь день не ела. И домой шла, дыша на замерзшие руки. Думала, дойду и сразу лягу в постель. А он встретил меня на пороге с улыбкой и тарелкой французских тостов в руках. По всей квартире – на полу и всех остальных поверхностях – мерцали расставленные свечи. Эзра превратил мою спальню в темное озеро дрейфующих огней. Он накормил меня французскими тостами, потом раздел. И сказал – извини, это немножко жжется. Карамелизация, прошептала я, слизывая

¹⁵ *Дивали* – главный индийский и индуистский праздник.

кленовый сироп с его пальцев. Так мы в Мумбаи это называем. Он принялся капать расплавленным воском мне на живот, и тут сработал датчик дыма. В квартиру ввалились пожарники, Эзра натянул на нас простыню. В итоге эвакуировали весь квартал. Мы стояли на улице, завернувшись в полотенца, и тряслись от холода. Эзра ржал, а я не знала, куда деваться от стыда.

Если ты купила гирлянды в «Паундлэнд», смотри поосторожнее, их может закоротить, бросаю я Нэнси.

Ты хоть знаешь, сколько времени у меня ушло на этот наряд? – кричит она.

Эзра забыл о том случае. Впрочем, до сегодняшнего вечера я и сама о нем не вспоминала.

Поверить не могу, что я ради тебя чуть себя не поджарила, ворчит Нэнси, выпутываясь из гирлянд.

Саша красит губы красной помадой и носит такие шпильки, что кажется на них ростом с меня. На прошлой неделе она спросила, что я сейчас читаю, и я с гордостью перечислила все книги, которые посоветовал мне Сэм.

Айрис, поморщилась она. А такие имена тебе о чем-нибудь говорят? Запиши-ка. Тони Моррисон, Лори Мур, Джой Уильямс, Дженнифер Иган, Джамайка Кинкейд, Энн Битти, Фланнери О'Коннор, Карен Рассел, Эйми Бендер. Ну и хватит для начала.

Остаток дня я провела в библиотеке.

Фи, кого она обманывает. Тоже мне, активистка из Гринвич-Виллидж, бросает Лиза.

На мне наряд из изумрудного шелка. В нем я как будто полуголая и при этом струящаяся, как река. В коридорах рвутся хлопушки и толпятся люди, нацепившие костюмы самих себя. От такого обилия общения у меня кружится голова.

Кем ты нарядилась?

Она – Сильвия Плат, заявляет Лиза. Периода работы в «Мадемуазель».

Еще ни одна американка не говорила мне такой приятной вещи. Я не жду многого от Лизы. Она научила меня бороться за место под солнцем, но предпочитает, чтобы слишком много места я не занимала. Ей не нравится, что на меня обращают внимание мужчины. Просто я ничего от них не жду, вот они и слетаются. Я ничем ей не угрожаю, ведь у нее на лбу расписан четкий план на ближайшие четыре года.

Ой-ой, произносит она, сейчас начнутся неприятности.

У Сэма на голове каска с держателями для пивных банок. Когда я вошла, он протянул мне соломинку, а я сделала вид, что не заметила.

Пить из банок ниже вашего достоинства, миледи?

Ниже даже твоего.

Ох, он хватается за грудь. Какая у тебя классная прическа! Мне нравится.

Я закатываю глаза. Хорошая попытка.

Стоит вторая неделя ноября, на улице целый день льет. Трамп победил на выборах. Большую часть выходных я лежу в постели лицом к стене. К вечеру в Вотсап начинают прилетать сообщения.

Лекси, 19:04: Я впервые за день вышла из дома и сейчас пойду обратно. Чтобы не смотреть на людей на улицах и не думать: «Это ты? Ты за него голосовал?»

Лекси, 19:24: Конечно, я не думала, что все на свете разделяют мое мнение. Ничего подобного. Но я полагала, что хоть в каких-то фундаментальных вещах мы с народом сходимся.

Эзра подсел на Airbnb. Присылает мне ссылки на дома, аренда которых стоит пару миллионов фунтов. Ветряные мельницы, перестроенные часовни. Вот в этом хватило бы места, чтобы устроить нам с тобой по кабинету. Представляешь, ты могла бы писать в башне! Мы уже много лет мысленно обставляем наш воображаемый дом. У него обязательно будет чердак, а рядом – маяк. В какой-то момент Эзра хотел даже разрисовать его под транспортный контейнер. Но тут я наложила вето. Мы уже так долго прожили в этом воображаемом доме, что знаем каждую трещинку на ступеньках. Стопки книг и нот, деревянные полы, камин, голубая входная дверь. Эзра пристроил к дому студию со звукоизолиру-

ей. А я требую, чтобы в саду у нас стояло круглый год подогреваемое джакузи. А наверху, куда мы запретим соваться посторонним, будет спальня и в ней кровать с балдахином. Эзра присылает мне ссылку на обитый зеленым бархатом диван с eBay.

Айрис, 22:06: Нам его уже ставить некуда!

Эзра, 22:06: Придется тебе выбросить часть книг.

Айрис, 22:07: Три пианино нам тоже без надобности.

В понедельник я уламываю себя выйти из квартиры. На мне две плотные индийские юбки, и все равно я дрожу. В метро оказывается, что моя карточка не работает, и какая-то седая растрепанная женщина уговаривает меня пройти вместе с ней по ее билету. Пожав плечами, благодарю ее. Сэм сидит в компьютерном классе, читает новости и ест уцененные жевательные мармеладки. Увидев меня, он расцветает и открывает браузер.

Ты знаешь, что на Манхэттене за него проголосовали только десять процентов жителей? Видела последний выпуск *SNL*?¹⁶

Ничего другого ты уже не смотришь?

Сэм смеется – ага, держу руку на пульсе.

На вечеринке по случаю Хэллоуина мы с Лизой пошли в туалет, и она вдруг заговорила о Сэме.

¹⁶ «Субботним вечером в прямом эфире» – ночная развлекательная телепрограмма телеканала NBC. Выходит с 1975 года.

Не пойми меня неправильно, но тебе не кажется, что этот твой образ заблудившейся в большом городе малышки несколько унижен? Ты ведешь себя жутко глупо. Прикидываешься, что тебя каждую минуту нужно спасать, чтобы подцепить побольше мужиков.

Лиза, у меня есть парень.

Ага, и предъявляешь ты его только как трофей или алиби. Она поджала губы. Это просто мое мнение. У нас на курсе не так уж много приличных парней.

В пять мы с Сэмом вместе выходим из компьютерного класса. Чуть раньше я призналась, что не видела ни одного фильма Марвел.

Ты просто обязана посмотреть «Доктора Стрэнджа», говорит он. Я сам тебя свожу.

Он начинает объяснять мне, почему истории про супергероев так важны, но тут вращающуюся дверь заклинивает, и он уныло ее пинает.

Этот придурок просто какой-то опасный вирус. Рабство, оспа и жаренные в масле «Орео» в одном флаконе. Ма написала в письме, что нужно запретить разговоры о политике за ужином в День благодарения. Говорит, стоит всем слегка выпить, как споры становятся чересчур эмоциональными. Но это чушь.

На улице темно. От холода у меня треснула губа, и сейчас я чувствую во рту привкус крови. Мы попадаем в толпу ребят из университетской спортивной команды, и я хватаюсь

за куртку Сэма, чтобы меня не сбили с ног.

Давай-ка уведем тебя отсюда, говорит он.

Кладет руки мне на плечи и помогает проталкиваться сквозь человеческую массу. И вот мы уже за пределами кампуса, и я снова могу дышать. Сэм смотрит в сторону Амстердам-авеню.

Я знаю отличное место.

Мне приходится почти бежать, чтобы не отставать от него. Проще держаться к нему поближе, чем думать, как бы ни на кого не налететь.

В ресторане «Гамильтон» полно свободных столиков. Официантка приносит ведро со льдом и несколько бутылок «Короны». Я с жадностью хватаю горсть бесплатного попкорна, потом еще одну.

Как легко тебя ублажить, замечает Сэм, наблюдая за мной. Он открывает бутылки, вставляет в горлышки по кусочку лайма. А я читаю ему пословицы, которые мне удалось собрать.

Угандийская пословица: счастливому орлу и мышь с солью в животе достается.

Турецкая пословица: слово для дурной головы, как соль для безвкусной еды.

Датская пословица: лучше соленая селедка в своей тарелке, чем свежая щука в чужой.

Русская пословица: вместе пуд соли съесть.

Нормально, говорит Сэм. «Чем хуже твоя идея, тем проще

о ней рассказать».

Это Эшбери?

Сэм дает мне пять. И начинает рассказывать про своего агента, но тут я замечаю женщину за соседним столиком. У нее блестящие светлые кудри. Я и не знала, что такие укладки еще делают. И она глаз с меня не сводит. Может, у меня сопли размазались по губе? На всякий случай шмыгаю носом. Пытаюсь слушать Сэма, но она говорит мне что-то одними губами.

Сэм оборачивается взглянуть, на что это я такое смотрю, и лицо его темнеет. Он идет к ее столику. Женщина сначала оправдывается, потом указывает на меня подбородком. Сэм заслоняет меня от нее спиной. Я утыкаюсь в свой телефон и качаю головой – ох уж эти нью-йоркцы. Явно не очень-то счастливые люди.

Чего она хотела?

Да водки мало выпила.

Официантка выводит женщину из зала. Проходя мимо меня, та шипит – мусульманская сука.

Сэм так на меня смотрит, словно я должна забиться в истерике. Я отпиваю пива и отвожу глаза. Лицо пылает. Мда. Странный случай – я прижимаю ко лбу прохладную бутылку. Самое смешное, что я даже не мусульманка. Впрочем, ей, наверно, без разницы.

Наконец я решаюсь взглянуть на Сэма. Вид у него такой потерянный, что я начинаю смеяться. Как думаешь, дело в

юбке?

Айрис, качает головой Сэм. – Неделька у тебя явно не задалась.

Он начинает рассказывать мне, сколько в Остине всякого расистского дерьма. Какое-то тупое противостояние между нами и мексиканцами. Но не открытое, не вроде вот этого, – он кивает на опустевший столик. Просто все слишком серьезно относятся к тому, что едят.

Я подбираю со стола табличку и кручу ее в пальцах. Сэм раздраженно отбирает ее у меня и ставит на место. Я из-за тебя теряю нить.

Читаю надпись на табличке. «Что еще за шот с рассолом?»

Что еще за шот с рассолом??? – смеется он.

Опрокинув первый шот из виски с рассолом, я заявляю ему, что в мире нет никого лучше Эзры.

Чертовски романтично, отзывается он.

Сэм старше меня всего на десять лет, но между нами целая жизнь. У него есть зажим для денег, он умеет смешивать коктейли и спать с кем попало. А я за всю жизнь была только с Эзрой. Рядом с Сэмом я чувствую себя семнадцатилетней.

Когда доживешь до моих лет... Нет, не пойми меня неправильно, я не сомневаюсь, что твой парень просто чудо, но тебе сколько? Двадцать один? У тебя вообще есть знакомые не из числа бывших однокурсников? Он фыркает и прихлебывает пиво. Мир – это же настоящее Эльдorado.

Эльдorado?

Ага, уж ты мне поверь. Я на этом Эльдorado съел дораду.

Лондон

Долли осветлила волосы. Эзра никак не может понять, пугает его такая смесь юности и зрелости или восхищает. Она отводит от лица короткие пряди и показывает всем два новых прокола в верхней части ушной раковины.

Колечки из розового золота, хвастается она. Просто улет. Обалденно, кивает Ндулу.

В салоне воняет «Хэппи Милом». На часах семь утра, а Ндулу заставил каждого взять себе по обеду. Эзра на свой даже смотреть не может. Вчера вечером они выступали на корпоративе в Шордитче. Эзра объелся сырных шариков и перебрал халявного вина. Ндулу стонет. Он всю ночь не ложился, смотрел выборы в Америке и глотал «Лемсип».

Чувак, меня просто радиоактивной блевотиной рвало.

Якуб оборачивается к Эзре и ухмыляется, сверкая серебряными пломбами. С тех пор как они стали нанимать его на несколько дней подряд, он решил, что они неплохие ребята. Завтра он повезет их в Ливерпуль. Когда все уселись, он забил в навигатор «Лидмилл»¹⁷ и хлопнул Эзру по плечу, как старого друга.

От Лондона до Шеффилда: три – три с половиной часа.

¹⁷ «Лидмилл» – ночной клуб в Шеффилде.

Торопиться некуда, выпалил Эзра.

Лукас присвистнул. Ндулу потянулся за одеялом.

Мальчики, мальчики, разулыбалась Долли.

На первой заправке Ндулу сунул Якубу под нос выпуск «Гардиан» со статьей о «Простаивающих клинках». Тот одобритительно прищелкнул языком.

Ндулу барабанит по потолку, перечисляя группы, которые тоже выступали в «Лидмилле»: Arctic Monkeys, The Stone Roses, The Strokes, The White Stripes, Oasis, Muse, Kings of Leon, Manic Street Preachers, Bloc Party.

Чем громче он барабанит, тем сильнее Эзру мутит. Чтобы отвлечься, он начинает собирать игрушку из «Хэппи Мила», но никак не может найти пропеллер. Якуб врубает «Радио 1», и Ндулу начинает подпевать.

Эзра, хмурясь, пытается разобраться, о чем беседуют Долли и Лукас на заднем сиденье.

С Лукасом Долли разговаривает, как с равным. Им нравятся одни и те же музыканты. Правда, стоит им стать известными, как Долли с Лукасом тут же перестают ими восхищаться. Эзра как-то обмолвился, что любит Blondie и Woody Guthrie, и Долли улыбнулась – как ему показалось, насмешливо.

Ты как будто плохие стихи себе под нос бормочешь, жалуется Макс.

Ндулу вскидывает вверх руку, словно приносит клятву. Чувак, я артист, мы обязаны *творить*.

Он достает телефон и начинает загружать их снимки в приложение, где можно править черты лица. Макс кидает в чат фотку с пятнадцатилетним Эзрой, очень серьезным и одетым во флисовую толстовку. Ндулу соединяет ее с недавней, той, где Эзре двадцать один и взгляд у него, как у серийного убийцы. Ребята пускают телефон по кругу, рассматривают получившееся изображение и хохочут. Якуб, увидев снимок, со смехом отодвигается от Эзры подальше.

Езуз Крист, выдыхает он.

Эзра пытается перестать хмуриться. Он уже боится собственной мимики, Ндулу постоянно делает из его снимков мемы и постит их в Инстаграм. Макс забирает телефон. Он обожает это приложение, в нем прическа у него получается не такая уж лохматая, а фигура вполне ладная.

Смотрите, прямо Хью Грант, объявляет он, показывая всем свое обработанное фото.

Ндулу снова выхватывает у него телефон и, проводя пальцем по экрану, приговаривает – контакты, Харуто, отправлено.

Макс кричит – не надо, не надо. Но вид у него довольный. Ндулу улыбается даже как-то слегка кокетливо.

Так что, когда твой парень к нам присоединится?

Он приедет на поезде после работы, отвечает Макс, покосившись на Долли. Я сказал ему, что он может выпить с нами после концерта.

Чем больше народу, тем веселее, отзывается Долли.

Долли не особенно интересуется Максом. Айрис говорила, она как-то обмолвилась, что он «идет в нагрузку», но Эзре не хочется в это верить. Он пытается разобраться, что там рассказывает Долли. Кажется, она только что рассталась с «очередным хахалем».

Он что, не звонил тебе с самого Лидса? – хмурится Лукас.

В боковом зеркале Эзра видит, как он сворачивает толстовку и вручает ее Долли вместо подушки. Не совсем понятно, искренне ли Лукас о ней печется или это все хитрый тактический ход, но у Эзры отчего-то появляется ощущение, будто он наблюдает за аварией в замедленной съемке. Утром, лежа в постели, он все гадал, как скажется эта их дружба на положении дел в группе. А потом набрал в Скайпе Айрис. Вид у нее был раздраженный. Когда он спросил, все ли в порядке, она подняла ноутбук повыше и показала ему, как темно за окном.

Сейчас два часа ночи, буркнула она.

У нас тут не лучше, ответил он. Хочешь, перезвоню попозже?

Она вздохнула. По-моему, у тебя паранойя. Не верю, что Лукас замышляет революцию.

Долли поверяет ему свои тайны, упрямо возразил он. А он и рад.

Может, она просто ему нравится? – предположила Айрис. Эзра ошеломленно уставился на нее, и она поспешно добавила – сам-то ты хоть раз интересовался, как у нее дела?

Долли раздает всем расписание на неделю. Пока она разъясняет детали, Эзра разглядывает припухлость вокруг новых проколов у нее на ухе.

Ты знаешь, что каждый год от заражения крови умирают сорок шесть тысяч человек? – спрашивает он. И это только в Британии.

Ндулу качает головой и делает вид, что стреляет себе в висок.

Впрочем, статистика скорее всего преувеличивает, торопливо добавляет Эзра. Попробуй масло чайного дерева.

Жаль, что нельзя загородить зеркало заднего вида. Он вытаскивает телефон. Вдруг Айрис еще не спит. В Нью-Йорке сейчас пять утра. Айрис уже не в сети, но она прислала ему письмо.

11.11.16 04:58

От кого: irisirisiris@gmail.com

Кому: ezramunroe@gmail.com

Прости, что ворчала. До сих пор не могу уснуть.

Сегодня в метро: одна девушка жаловалась своему другу, что в поезде не протолкнуться. И какая-то тетка начала орать: «Не нравится, вали домой».

Знаешь, такая бабуля из Лас-Вегаса – белые кудряшки, козырек от солнца.

Я только взглянула на нее и сразу поняла, что она ненавидит эту девушку. Не просто как символ, нет, она ненавидела именно ее, конкретную незнакомую девушку из поезда метро. Как будто и правда боялась,

что та вот-вот вытеснит ее с места под солнцем. Может, самые опасные люди – это те, которые не понимают, сколько у них власти?

Теперь то, что я должна была сказать тебе по телефону. Возможно, Долли неловко болтать с тобой, потому что ты – ее большой прорыв.

А так же:

1. Simon&Garfunkel: так и не сошлись во мнениях по поводу двенадцатой композиции для «Bridge over Troubled Water», поэтому песен в альбоме всего одиннадцать. Когда Гарфанкель похвалил Саймона за тексты, тот ответил: «Мы с Артуром почти ни в чем не сходимся, но тут он прав, я и в самом деле обогатил его жизнь».

2. Pink Floyd: уходя из группы, их басист заявил, что без него они не имеют права называться «Пинк Флойд» и использовать его надувную свинью в качестве символа группы. Остальные подали на него в суд и выиграли.

3. The Libertines: Пит Доэрти удалбывался наркотой все чаще, и в конце концов Карл Бэрет его выгнал. А когда группа уехала в турне, Доэрти ограбил его квартиру.

4. The Kinks: Ты знал, что они были братьями? В девяносто шестом, когда старшему исполнялось пятьдесят, младший прыгнул на его именинный пирог и объявил себя гением.

5. The Beach Boys: Майк Лав уволил всех музыкантов и теперь ездит на гастроли со вторым составом группы. Фактически он остался единственным бич-боем.

Это я все к чему. Раз у вас все непросто, значит, вы движетесь в правильном направлении.

xxx

Прочтя письмо, Эзра сразу понимает, что она не в лучшем состоянии. Проверяет Спотифай, начинает набирать. **Считаешь, слушать серый шум в пять утра – хорошая идея?** Потом стирает сообщение. Они уже привыкли именно по Спотифаю определять, как у кого из них на душе. Бывает, Айрис утверждает, что у нее все отлично, а он смотрит, что она сейчас слушает, и сразу понимает, что это не так. Подумав, Эзра набирает: «Представь, что самое страшное может случиться...» Обычно такое помогает, когда она на грани. Но его пугает, что с недавних пор Айрис разучилась облекать свои страхи в слова. Немного поразмыслив, он начинает составлять список вещей, которые она любит. Можно будет после что-нибудь ей послать.

«Гольдберг-вариации BWV 988», «Питер Пэн», арахисовое драже, мармеладные мишки, спички «SWAN», «Нэшнл Джеографик», фланелевые рубашки, шампанское, розы, манга, вязаные носки.

Правда, она говорила, что, когда его нет рядом, они все равно ей не помогают. Подумав с минуту, Эзра начинает писать:

В мире осталось всего пять заливов, где наблюдается биолюминисценция. Там, в каждом литре воды, живут сотни тысяч Пиродиниумов, крошечных

динофлагеллятов, от которых исходит прозрачное синезеленое свечение. Когда плаваешь в этих заливах, кожа блестит и кажется, что с нее капает свет.

Ну и как там Йоко, освоилась в Нью-Йорке? – спрашивает Долли.

Эзра слишком резко меняет позу, и между лопаток разливаётся жгучая боль. Они уже несколько недель возят с собой аптечку.

Да, вполне, отвечает он, морщась.

Потом бросает взгляд на лежащий рядом телефон. Тексты песен он записывает в заметки, и от мысли, что Долли могла их прочесть, хочется забиться в уголок. Шутку про Йоко продолжать тоже охоты нет.

Долли не жалуется Айрис с самого концерта в Кэмдене. В тот раз они с Нэнси не поняли, что «Ленивых клинков» выпустят на сцену не раньше полуночи, и начали пить еще в шесть вечера. К одиннадцати Нэнси заметила зарезервированные места в ВИП-зоне и велела Айрис содрать с них таблички, пока она постоит на стреме. Выйдя из-за кулис перед самым началом концерта, Эзра обнаружил, что девушки болтают, развалившись на креслах. Айрис даже закинула ноги на спинку переднего сиденья.

Это места для шоу-бизнеса, сказал он.

Ну, значит, придется им потесниться, как и всем остальным, громко заявила Нэнси. Пускай идут на танцпол.

Ща все поправим, заверила Айрис и попыталась перекле-

ить табличку на кресло в заднем ряду.

Когда Эзра вернулся за кулисы, Долли объявила ему, что запрещает Айрис и ее подружке появляться в уборной.

И добавила – они совсем с катушек слетели.

Наутро Эзра передал ее слова Айрис, и та обиделась. А Эзра заявил, что Долли тут винить не в чем.

Могла бы и сама мне сказать, бросила Айрис. Слушай, вы при ней куда вежливее друг с другом обходитесь, и я рада, что она с вами. Но это же не значит, что я обязана ее обожать.

Было бы здорово, если бы ты не ссорилась с единственным человеком, который на моей стороне.

Айрис изменилась в лице. Знаешь, она постоянно твердит мне, что мы с тобой скоро расстанемся. Говорит, в следующие несколько лет ты непременно будешь вести себя, как муздак, а такое не каждая выдержит. И что мне нужно решить, стоит ли игра свеч.

Эзра сунул в рот весь тост целиком. Не хотелось, чтобы Айрис заметила, как эти слова его испугали.

* * *

Лукас стаскивает оборудование со сцены, и они начинают торопливо его разбирать. У них всего полчаса. У Эзры саднит горло, непонятно, как он будет петь завтра. Он начинает выкручивать скрепляющие установку маленькие болтики. Зал набит битком – все пришли смотреть хедлайнеров,

панк-рок группу, чьи афиши развешаны по всему кварталу. В колонках уже гремят инструментальные версии их хитов. В последний раз ребята ели еще днем – разделили на всех упаковку круассанов. Эзра тянется отключить синтезатор, и перед глазами у него начинают мелькать черные мушки. В голове навязчиво прокручивается их сегодняшнее выступление. Эзре очень хотелось повторить успех недавнего концерта в Брайтоне, а в итоге он, похоже, облажался.

В тот вечер казалось, что все их выматывающие репетиции наконец окупались, воплотились в несколько невероятных минут. Все шло как по маслу, оставалось даже время на импровизацию, на эксперименты со звуком. Эзра вскидывал гитару над головой и с благоговением подносил ее к усилителю, выдавая пронзительные соло. Лукас расплывался в довольной улыбке. И все выступление они подхватывали друг за другом идеи так легко и естественно, что Эзра постоянно забывал, где они находятся.

Зато сегодня они будто угодили в вакуум. Эзра не слышал Лукаса. Макс сбивался с ритма. В студии у них всегда бывало чисто, как в лаборатории, и он привык к мягкому плавному звуку. Но здесь, в «Лидмилле», стоит такой плотный фоновый шум, что его невозможно было перекричать. Эзра глубже заталкивает беруши. Не хватало еще оглохнуть. Но из-за того, что кругом все бушует, а звука при этом нет, кажется, будто он нырнул на глубину. В зале блестят сережки, словно кто-то метнул в толпу горсть шарикоподшипников.

Кто-то передает из рук в руки бутылку с пивом. Макс все выглядывает из-за занавеса. Эзра как раз собирается сказать ему, чтобы позвал Харуто за кулисы, но толпа начинает реветь, заглушая колонки.

Идиоты, бормочет Лукас.

Однажды и нас будут встречать так же, орет Ндулу. И выступать мы будем вот эдак – он раскидывает руки в стороны, словно парит.

Эзра, согнув руку в локте, наматывает на нее провода. Ндулу убирает гитары в чехлы. Лукас уносит синтезатор на улицу, там Макс охраняет открытый минивэн. Потом лезет к розеткам, в которые воткнуты усилители, достает гитарные педали, и Макс аккуратно убирает их в коробки. Ндулу складывает подставку для синтезатора. Лукас пересчитывает кабели, а Эзра тем временем проскальзывает в туалет, чтобы занюхать дорожку.

Он любит закидываться в одиночестве. Контакты дилеров в телефоне сохраняет, называя их городами обитания вместо имен, а в качестве фамилий использует химические элементы. Сегодня, например, Шеффилд Ртуть, припарковав свой серебристый «Приус» возле супермаркета, передал ему на парковке маленький пакетик.

Внутри светло-желтый комковатый порошок. На одного вполне хватит, а вот на двоих уже вряд ли. Если поделишься с Ндулу, придется угощать еще и Лукаса. Поколебавшись, Эзра достает пакетик из сумки. Ощущение, будто втягива-

ешь носом осколки стекла. Остатки он сует в рот, втирает в десны, а потом моет руки.

Из туалета он выходит уже под кайфом, и мельтешащие вокруг пьяные вызывают у него отвращение.

Вот ты где, с облегчением выдыхает Макс.

Харуто они находят возле сцены. В зале воняет лосьоном после бритья, мефедроном и кутящими мужиками. Эзра, наконец-то ощущая себя бодрым и свежим, сглатывает слюну. Харуто целует Макса, со всех сторон несутся резкие возгласы, у Макса на шее выступают красные пятна. Ндулу ухмыляется, оглядываясь на Эзру. Стоящая неподалеку компания парней постоянно на них косится. У всех в руках пивные кружки, а вид такой, словно они коты, которым выпало поиграть с мышкой. Один, заглушая музыку, кричит – голубец! Грязный педик – вторит ему другой.

Эзра, вопросительно подняв брови, смотрит на Харуто.

Тот кивает, но лицо у него напряженное. Он обнимает Макса за талию и тут же разжимает руки. Эзра ищет глазами выход.

Один из парней орет Харуто – эй, может, минет мне сделаешь?

Тот не оборачивается, зато оборачивается Макс.

По-моему, произошло недопонимание, спокойно заявляет он.

Да ну? Вам, парни, тоже кажется, что тут произошло недопонимание?

Нас Долли ждет, угрюмо бросает Макс, не глядя на Харуто. Пошли.

Свет гаснет. Лукас что-то сердито выкрикивает. Макс дергает его за руку. Они уже направляются к выходу, но в этот момент кто-то толкает Харуто, и тот спотыкается. У Эзры перед глазами тут же проносятся различные варианты последующих событий. Вспыхивают, как отсветы прожекторов на полу, и мало-помалу гаснут. Лукас валит нападавшего на пол и набрасывается на него с кулаками. А уже через несколько секунд появляются вышибалы и выкидывают их на улицу.

Эзра не сводит глаз с двери – ждет, что обидчиков вышвырнут вслед за ними. Белый, как мел, Макс уводит Харуто в сторону. Дверь распахивается, вышибалы швыряют на тротуар остатки их оборудования. Ндулу, Лукас и Эзра, не говоря ни слова, начинают запихивать все в микроавтобус. Якуб бросается им помогать. И ухмыляется, заметив кровь у Лукаса на лице.

Славная ночка?

Взбудораженный Ндулу захлопывает багажник.

Да я больше похож на гея, чем ты, хохочет он и осекается, заметив выражение лица Макса. Черт, прости, чувак. Это все адреналин. Они готовы были сожрать нас заживо.

Некоторое время все молчат, а потом Эзра взрывается – если нас внесут в черный список, нам конец. Нужно, чтобы зрители хотели видеть нас на сцене...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.